

В прозе Бекетта есть нечто хичкоковское!
«Kirkus Reviews»

САЙМОН БЕКЕТТ

МНОЖЕСТВЕННЫЕ
УШИЦЫ

Саймон Бекетт

Множественные ушибы

Серия «Детектив – самое лучшее»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489127

Множественные ушибы : [роман] / Саймон Бекетт: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-087964-9

Аннотация

Шон – в бегах. Стремясь скрыться от настигающего его прошлого, он перебирается во Францию. В пути он получает серьезную травму и оказывается на уединенной ферме у озера. На первый взгляд, это идеальное место, чтобы спрятаться...

Шон знакомится с обитателями фермы: сестрами Матильдой и Гретхен, а также с их отцом – замкнутым и ироничным Арно – и соглашается поработать у них. А вскоре выясняет, что предыдущий работник пропал при загадочных обстоятельствах...

Какие еще тайны хранит это место? Шону предстоит многое узнать.

И в одном можно не сомневаться: его настоящие проблемы только начинаются...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	51
Глава 4	66
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Саймон Бекетт

Множественные ушибы

Памяти Фредерик Коммерелл

Глава 1

Машина тянула из последних. Вот уже несколько часов на пути не попадалось ни одной бензозаправки, и стрелка указателя уровня топлива скатилась в красную зону. Надо было бы съехать с дороги, но по обеим сторонам тянулись бескрайние поля, упорно принуждая меня двигаться вперед до последнего чиха мотора. Несмотря на раннее утро, было сухо и жарко. Врывающийся в открытые окна ветерок лишь перемешивал, но не охлаждал воздух.

Сгорбившись за рулем, я вел машину, каждую секунду ожидая, что двигатель заглохнет, и вдруг увидел разрыв в зеленом барьере. Слева, насколько хватало глаз, пшеничные поля прорезала колея. Я свернул в ту сторону и затрясся по рытвинам, не думая, куда приведет этот путь, – главное, чтобы не заметили с шоссе. Колея нырнула в густую рощицу. Я направил «Ауди» под деревья и, когда ветви стали скрести по стеклам, заглушил мотор. Шум стих, только пощелкивал остывающий двигатель, и стало слышно, что где-то неподалеку журчит вода. Закрыв глаза, я откинулся на спинку сиденья, но времени отдыхать не было.

Надо было двигаться дальше.

Я проверил «перчаточник». В нем не оказалось ничего, что бы указывало на личность владельца автомобиля – всякое барахло и почти полная пачка сигарет. «Кэмел», мой

любимый сорт. Потянувшись за сигаретами через пассажирское сиденье, я ощутил запах – не сильный, но неприятный, словно кто-то оставил на солнце мясо. Роскошная обивка пассажирского сиденья была чем-то испачкана. Как и вытянутый и лежащий на полу ремень безопасности. В одном месте прочная ткань оказалась почти разорванной. Дотронувшись до ремня, я ощутил что-то липкое и увидел, что кончики пальцев потемнели.

От мысли, что я всю дорогу ехал вот с этим, на самом виду, закружилась голова. Сразу захотелось очутиться как можно дальше от этой машины, но я не мог оставить ее просто так. Пока я выбирался наружу, ветки хлестали по дверце. Через рощицу протекал ручей. И когда я мочил в нем найденную в «перчаточнике» тряпку, заметил, что мои руки дрожат. Сиденье оттереть было легко, но в переплетенье нитей ткани ремня кровь впиталась глубоко. Вычистив, как мог, ремень, я прополоскал тряпку в ручье. Поток обхватил мои запястья, словно стеклянные кандалы. Я мыл руки, оттирал их песком со дна, но даже после этого ощущения чистоты не возникло.

Плеснул воду на лицо, поморщился, когда она обожгла ссадины на щеке, и вернулся к машине. «Ауди» была в дорожной пыли, скрывавшей ее черный цвет. Я сбил камнем английские номера, затем достал из багажника свой рюкзак. Когда я его вынимал, он сдвинул в сторону чехол запасного колеса, и там мелькнуло что-то белое. Я отогнул коврик,

и при виде закутанного в полиэтилен свертка у меня узлом скрутило желудок.

Пришлось привалиться к автомобилю – ноги внезапно настолько ослабели, что отказывались держать меня.

Сверток был размером с пачку сахарного песка, но находящийся внутри порошок был отнюдь не таким невинным. Я быстро оглянулся, словно в этом месте кто-нибудь мог наблюдать за мной. Но вокруг были только деревья, а из звуков – лишь гул летающих насекомых. Я неотрывно смотрел на пакет и не мог оценить новое осложнение своего положения. Не хотел брать его с собой, но и не мог оставить в роще. Схватил, затолкал поглубже в рюкзак, захлопнул крышку багажника и двинулся прочь.

Когда я выходил из рощи, хлебные поля казались такими же безжизненными. Я забросил номера и ключи от автомобиля в высокие стебли и вынул телефон. Он оказался безнадежно сломанным. Не останавливаясь, я вытащил из него сим-карту, переломил надвое и зашвырнул половинки в одну сторону поля, а телефон в другую.

Все равно звонить некому.

Серый асфальт шоссе, по мере того как солнце все выше забиралось на небо, расплывался и покрывался текучей рябью. Немногочисленные машины, загнанные в ловушку зноя, казалось, почти не двигались, пока не проносились мимо внезапной вспышкой цвета. Рюкзак лежал у меня на спине – мои единственные пожитки. Я шел почти час, а когда

решил, что достаточно удалился от автомобиля, вытянул руку с поднятым пальцем и начал голосовать.

Мои рыжие волосы и преимущество, и недостаток: они привлекают к себе внимание, но одним своим видом дают знать, что я – иностранец. Первым остановившимся автомобилем был старенький «Пежо» с молодой парой в салоне.

– Ou allez-vous?¹ – спросил мужчина. Зажатая в его губах сигарета дрогнула.

Я старался раскрутить свой лингвистический механизм – в последнее время я больше слушал французский язык, чем говорил на нем, – но медлил не потому, что не хватало знаний. Куда я еду?

Если бы я знал.

– Куда глаза глядят. Просто путешествую.

Я сел на переднее сиденье, а девушка безропотно переместилась на заднее. Повезло, что водитель был в солнцезащитных очках, потому что мне это служило оправданием не снимать свои. Они хоть как-то маскировали жуткие синяки на моем лице.

– Британец? – Мужчина покосился на мои рыжие волосы.

– Да.

– Вполне прилично говорите по-французски. Давно здесь живете?

Мне казалось, что я во Франции уже целую вечность.

– Нет, недавно.

¹ Куда вы едете? (фр.) – Здесь и далее примеч. пер.

– Как же вам удалось так выучить язык? – поинтересовалась девушка, перевесившись между сиденьями. Плотная, темноволосая, с открытым, привлекательным лицом.

– Часто приезжал сюда, когда был моложе. И... мне нравятся французские фильмы. – Я осекся, сообразив, что сказал больше, чем намеревался. К счастью, мои слова их не заинтересовали.

– А я предпочитаю американское кино, – пожал плечами водитель. – Надолго к нам?

– Не знаю.

Меня высадили на окраине маленького городка. Я залез в свой скудный запас евро, чтобы купить хлеба, сыра, бутылку воды и одноразовую зажигалку. Затем в открытых торговых рядах на площади приобрел бейсбольную кепку. Дешевую подделку образца фирмы «Найк», но и такая защитит меня от солнца и поможет спрятать синяки. Понимал, что становлюсь параноиком, но ничего не мог с собой поделаться. Не хотел привлекать внимания больше, чем нужно.

И с каким облегчением покинул городок и снова оказался в безлюдной местности! Светившее в спину солнце жгло открытую шею. Пройдя с километр, я остановился в тени под шеренгой тополей и попробовал поесть. Но стоило мне несколько раз откусить от багета и прожевать сыр, как меня замутило и выворачивало до тех пор, пока не заболел желудок. Когда спазм прошел, я почувствовал себя настолько изможденным, что захотелось рухнуть возле дерева и лежать,

отказавшись от всякой борьбы.

Но я не мог себе этого позволить. Рука тряслась, когда я высекал огонек из зажигалки и закуривал сигарету. Первую за два года, но ощущение было таким, словно я вернулся домой. Несколько блаженных мгновений я ни о чем не думал – лишь выпускал вместе с дымом напряжение из тела.

А когда докурил, поднялся и снова пошел. Я имел лишь смутное представление, где нахожусь, но поскольку не строил никаких планов, это не имело значения. Всякий раз, как мимо проезжала машина, я махал рукой с выставленным вверх пальцем, но это случалось нечасто. Дороги в тамошнем захолустье все второстепенные, и движения на них почти нет. К середине дня мне попались всего два автомобиля – сначала «Ситроен», затем «Рено», но проехать удалось менее двадцати километров. Подсаживали на короткие расстояния – водители направлялись в ближайший городок или деревню. Но теперь движение и вовсе прекратилось. На дороге царил такая тишина, что казалось, будто мир обо мне забыл. Единственными звуками остались шорох моих подошв и несмолкаемое гудение насекомых. Тени не было, оставалось радоваться той защите, какую давала мне бейсболка.

Я шагал уже целую вечность, и вот поля сменились густой каштановой рощей. Ее огораживал ветхий забор из колючей проволоки, но ветви с широкими листьями все же давали немного тени.

Осторожно сняв с натертых плеч рюкзак, я выпил воды.

В бутылке оставалось не более двух дюймов жидкости. Я же настолько разгорячился, что этим количеством никак не мог утолить жажды. «Надо было купить две бутылки, – запоздало подумал я. – Но мало ли чего еще мне следовало сделать. Теперь поздно что-либо менять».

Я посмотрел на убегающее вперед шоссе. Прямое, как стрела, оно окуталось от жары маревом и оставалось пустым. Навинчивая крышку на бутылку, я желал одного: хоть бы скорее появилась какая-нибудь машина. Но машин не было. Господи, как же жарко! Снова до невозможности захотелось пить. Я снял бейсболку и запустил пальцы во влажные от пота волосы. И тут вспомнил, что не так давно видел ворота фермы. Поморщился при мысли, что придется возвращаться, но решение приняло за меня мое пересохшее горло. Я понятия не имел, когда доберусь до следующего городка, а продолжать идти по такой жаре без воды...

Закинув за плечи рюкзак, я повернул назад.

Ворота опутывала та же колючая проволока, которая ого-раживала лес. Колея скрывалась в каштанах. На воротном столбе висел почтовый ящик с выцветшими белыми буквами, они складывались в единственное слово: «Арно». В «ушках» засова болтался старый, но вполне надежный замок, однако он оказался незапертым.

Я снова окинул взглядом дорогу – на ней никого не было. Стараясь не задеть колючую проволоку, я толкнул створку и вошел в ворота. Дорога слегка забирала вверх и делала пово-

рот, за которым сквозь деревья открывался вид на несколько крыш. Колея привела на пыльный двор, где главной постройкой был ветхий фермерский дом, наполовину обнесенный слишком непрочными, как мне показалось, лесами. Напротив обосновался большой амбар, сбоку – конюшня со старинными с одной стрелкой часами. Лошадей я не заметил, зато под открытым навесом стояли покрытые пылью машины.

На территории не было ни единой души. Где-то неподалеку бляла коза, в земле копались куры. Я остановился на границе двора, не испытывая никакого желания двигаться дальше. Дверь дома оказалась приоткрытой. Я поднялся по некрашеным ступеням и постучал. Сначала все было тихо, но затем женский голос произнес:

– Qui est-ce?²

Я толкнул створку. После яркого света на улице внутри показалось темно. Потребовалась секунда-другая, чтобы я рассмотрел сидящую за кухонным столом женщину, которая держала ребенка.

Не слишком уверенно облекая просьбу во французские слова, я поднял пустую бутылку.

– Не дадите мне немного воды?

Если ее и привело в замешательство появление незнакомца, виду она не подала.

– Как вы сюда попали? – Тон был спокойным и нетороп-

² Кто там? (фр.)

ЛИВЫМ.

– У вас открыты ворота.

Под ее взглядом я ощутил себя незаконно ворвавшимся в дом чужаком. Женщина усадила ребенка на высокий деревянный стул.

– Хотите еще и стакан воды?

– Буду очень признателен.

Она подошла к раковине и наполнила сначала бутылку, а затем большой стакан. Вода оказалась ледяной, с грубоватым привкусом металла.

– Спасибо. – Я вернул ей пустой стакан.

– Будьте добры, когда пойдете обратно, закройте ворота на засов. Их нельзя оставлять открытыми.

– Хорошо. И еще раз спасибо.

Пересекая залитый солнцем двор, я чувствовал на себе ее взгляд. Колея вывела меня через лес на шоссе. Там было так же пусто, как прежде. Задвинув на воротах засов, я продолжал путь, постоянно оборачиваясь и проверяя, не догоняет ли меня машина. Но видел лишь растопленный солнцем асфальт. Чтобы хоть немного разгрузить от тяжести плечи, я подсунул пальцы под лямки рюкзака. Но он показался мне еще тяжелее, когда я вспомнил, что в нем лежит. Пришлось прогнать все мысли и сосредоточиться на том, чтобы переставлять ноги.

Вдруг сквозь прожаренную тишину стал проявляться гул автомобильного мотора. Я обернулся и заметил, что ко мне

что-то приближается, какое-то искаженное жарким маревом темное пятно. Сначала казалось, будто оно недвижимо парит над собственным отражением. Но затем колеса вытянулись и коснулись дороги, и пятно превратилось в мчащуюся в мою сторону голубую машину.

Я уже сделал шаг из-под тени деревьев, когда увидел нечто на ее крыше. Прозрение пришло мгновением позже, и я, неуклюже, потому что мешал рюкзак, перескочил через ключую проволоку и, зацепив за нее джинсами, шлепнулся на землю. И, слыша, как становится громче звук мотора, нырнул в лес. Когда, судя по гулу, автомобиль поравнялся со мной, я спрятался за дерево и выглянул на дорогу.

Полицейский автомобиль промелькнул мимо. Я ждал, что он начнет сбавлять скорость, и тогда станет ясно, что ищут меня. Но звук становился тише и наконец вовсе растаял вдали. Я привалился головой к дереву – понимал, что реагировал неоправданно остро. Французской полиции не было до меня никакого дела, но нервы были настолько взвинчены, что я не стал рисковать. Нельзя допустить, чтобы обыскали рюкзак.

Горький вкус во рту. Кровь. Я разбил губу. Сплюнул и полез в рюкзак за бутылкой с водой. Прополоскал рот и, оглядевшись, стал разбираться, где очутился.

Я находился на поросшем лесом пологом склоне холма. Сквозь деревья на некотором расстоянии поблескивало озеро. По одну сторону от него виднелись крыши фермерских

построек. Кажущиеся издалека маленькими и убогими, они, видимо, принадлежали тому самому хозяйству, где мне удалось разжиться водой. Вероятно, я все еще находился на их земле.

Поднявшись, я счистил приставшие к джинсам веточки и комья земли. Пропитанная потом майка прилипла к телу. Было очень жарко, и воздух просто обжигал. Я снова посмотрел на озеро и подумал: вот бы искупаться. Невозможно – надо было двигаться дальше. Сделав глоток воды, я ступил из-под дерева и вскрикнул, почувствовав, как что-то схватило меня за ногу. Рухнул на колени, а боль распространилась по всей ноге. Ступня угодила в черные полукруглые чешуи, и все попытки освободиться только усиливали разливавшуюся вверх боль.

– Господи!

Я застыл на месте, судорожно хватая ртом воздух. Надо же было попасться в спрятанный в переплетении корней охотничий капкан! Он захлопнулся на ступне от середины подъема до лодыжки, и его неровные зубья впились в грубую кожу моего ботинка. Причем вонзились так глубоко, что я чувствовал их холод возле самой кости. Я крепко зажмурился, только чтобы не видеть этой картины.

– Проклятие!

Но, закрыв глаза, себе не поможешь. Я скинул рюкзак и, расположившись поудобнее, взялся за половинки капкана. Они не шелохнулись. Тогда я уперся свободной ногой в ко-

рень дерева и предпринял новую попытку. На сей раз я был вознагражден: половинки дрогнули и подались, но недостаточно, чтобы освободить ногу. Руки от напряжения тряслись, я обдирал кожу о кромки металла. Наконец я медленно отпустил половинки и откинулся назад, тяжело дыша. Потирая царапины на руках, стал внимательнее изучать капкан. Сработан топорно, покрыт ржавчиной, но не настолько, чтобы заключить, что он стоит здесь очень давно. Во всяком случае, масло на петлях довольно свежее. Тревожный факт. Стараясь не задумываться, что бы это значило, я перенес внимание на цепь, удерживающую капкан на месте. Она оказалась короткой и была прикреплена к вбитому среди корней деревянному колу. Несколько попыток выдернуть его из земли показали, что я напрасно теряю время.

Я сидел, вытянув вперед попавшую в западню ногу, и, чтобы не опрокинуться, упирался руками в землю, и вдруг почувствовал под ладонью что-то мокрое. Бутылка лежала там, куда я ее уронил, но значительная часть содержимого успела вытечь на сухую почву. Я схватил ее, хотя в ней мало что осталось. Глотнул, завернул крышку и постарался сосредоточиться.

Боль изменилась, она поднялась по голени, и ногу стало дергать, словно зуб. Сквозь кожу ботинка проступила кровь. В испещренном солнечными пятнами лесу царила тишина, только гудели насекомые. Я посмотрел на далекие крыши фермерских построек. На таком расстоянии, сколько ни кри-

чи, не услышат. Но кричать-то я как раз не хотел. Если уж только совсем припрет.

Я стал рыться в рюкзаке – хотел отыскать перочинный нож. Знал, что он где-то внутри. Но пока этим занимался, пальцы наткнулись на кое-что еще.

Я оторопело смотрел на потрепанную, выцветшую фотографию. Понятия не имел, что она находилась в рюкзаке, вообще про нее забыл. Перелом картона, искажая улыбку на девичьем лице, не позволял рассмотреть его. За девушкой – четкая на фоне голубого неба белизна Брайтонского пирса. Волосы светлые, выбеленные солнцем, загорелое, излучающее здоровье лицо. Счастливое.

Замутило. Деревья словно наклонились в мою сторону, когда я отложил снимок. Стараясь побороть тошноту, я сделал несколько глубоких вдохов. Прошлое ушло, его невозможно изменить. Беспокоиться следовало о том, что предлагало настоящее. Я нашел перочинный нож и открыл его. В нем было трехдюймовое лезвие, бутылочная открывалка, штопор, но ничего такого, что позволяло бы освободиться от железных капканов. Просунув лезвие между железными половинками, я стал действовать им как рычагом. Нож с хрустом сломался. Отбросив его, я принялся искать что-нибудь другое. Неподалеку лежала сухая ветка. Дотянуться до нее я не мог, но сумел пододвинуть к себе, орудуя другой, поменьше. Толстым концом впихнул между зубьев капкана наподобие клина. Железо кромсало деревяшку, однако капкан

начал медленно поддаваться. Я надавил сильнее, скрежеща зубами, когда металлические зубья выходили из моей плоти.

– Ну, давай же! Давай!

Ветка хрустнула. Половинки капкана снова сомкнулись. Я закричал. Я долго лежал, распластавшись на спине; боль понемногу стала утихать. Затем с трудом сел и от бессилия ударил веткой по капкану.

– Чтоб тебя!

Ситуация была угрожающая. Если я даже освобожу ногу, это еще не значит, что мне удастся далеко уйти. Хотя я предпочел бы разбираться со второй проблемой. Гораздо больше пугало, что я не сумею открыть капкан.

Ну что, доволен? Ты все сам себе устроил. Я прогнал эти мысли и постарался сосредоточиться на неотложных делах. Действуя штопором перочинного ножа, стал окапывать держащий капкан кол. Напрасное усилие, но, колотя землю и корни деревьев, я хотя бы выпустил пар. Наконец выронил нож из рук и сгорбился у ствола каштана.

Солнце опустилось, и хотя темнота наступит еще не скоро, меня пугала перспектива пролежать здесь всю ночь. Надо было что-то придумать. Но оставалось лишь одно. Я набрал как можно больше воздуха в легкие и закричал. Звук растаял в лесу, не вызвав эха. Я сомневался, что крик услышат на ферме, куда заходил за водой. Попробовал крикнуть громче. Кричал то по-английски, то по-французски, пока не охрип и не заболело горло.

– Эй, кто-нибудь! – почти прорыдал я и тихо добавил: – Пожалуйста. – Слова, казалось, поглощала вечерняя жара, и они терялись среди деревьев. Мой крик замер, и опять наступила тишина.

Я понял, что все старания напрасны.

К утру меня колотил озноб. Вечером я достал из рюкзака спальный мешок и набросил на себя, однако продрожал всю ночь. Ногу дергало, тупая боль нарастала и ослабевала в такт току крови. Голень выше лодыжки распухла. Хотя я, как мог, расшнуровал ботинок, почерневшая и ставшая липкой кожа давила на ступню. Возникало ощущение, словно огромный нарыв готов был вот-вот прорваться.

С первым светом я попытался опять кричать, но из-за сухости в горле получалось лишь хриплое карканье. Вскоре даже такое усилие стало для меня чрезмерным. Я старался изобрести иные способы привлечь к себе внимание и даже прикидывал, не поджечь ли дерево, под которым лежал. Стал шарить по карманам в поисках зажигалки, но вовремя одумался.

Меня напугало, что я мог серьезно планировать подобное.

Но просветление длилось недолго. Солнце, поднимаясь на небе, жарило все сильнее, и я сбросил с себя спальный мешок. Вот оно, типичное проявление лихорадки: обливаешься потом и не можешь унять дрожь. Я с ненавистью посмотрел на ногу, жалея, что не способен ее отгрызть, как попов-

ший в ловушку зверь. Несколько мгновений размышлял, не впиться ли в нее зубами, не отведать ли собственной крови и не перекусить ли свою же кость. Но тут же сел и привалился спиной к стволу, а в ногу впивались лишь железные половинки капкана.

Я терял сознание и приходил в себя, погружался в пуганые, вызываемые жаром видения. Вскоре открыл глаза и увидел перед собой девушку. Красивую, похожую лицом на Мадонну. Ее образ смешивался с той, что была на фотографии, и наполнял меня скорбью и чувством вины.

– Прости, – проговорил я. Или мне только показалось, что проговорил? – Прости.

Я не сводил глаз с лица, надеясь уловить на нем знак того, что прощен. Но вдруг сквозь кожу начал просвечивать череп – красота лупилась, словно кожа, обнажая под собой разложение и тлен.

Во мне, увлекая на вершину страданий, вспыхнула новая боль. Откуда-то издалека донесся чей-то крик. Когда он замер, я различил голоса. Люди говорили на знакомом мне языке, но смысла я понять не мог. Прежде чем все стихло, отчетливо, словно церковный колокол, прозвучали несколько слов.

– Успокойтесь! Тише!

Но почему кому-то надо успокоиться?

Боль опять подхватила меня, и я перестал существовать.

Потолочное окно запотело. Дождь барабанной дробью бил по стеклу. Мы лежали на кровати, а над нашими головами висели наши двойники – заключенные в оконную раму, неясные, смазанные отражения.

Хлоя снова отстранилась. Я хорошо знал это ее настроение, чтобы не настаивать, и ждал, когда она вернется ко мне по собственной воле. Хлоя смотрела в окно, и ее белокурые волосы блестели в свете лампы из морских ракушек, которую она притащила с рынка. Голубые глаза не мигали, и мне, как всегда, показалось, будто я могу помахать перед ними рукой и не вызвать в ней никакой реакции. Хотел спросить, о чем она думает, но не стал – боялся, что она ответит.

Влажный, свежий воздух охлаждал мою обнаженную грудь. В другом конце комнаты на мольберте Хлои стоял чистый холст, к нему она так и не прикоснулась. Он оставался нетронутым уже несколько недель. Запах масла и скипидара, с которым так долго ассоциировалась у меня эта маленькая квартирка, настолько ослабел, что стал почти неразличим.

Я почувствовал, как Хлоя пошевелилась рядом со мной, и услышал ее вопрос:

– Ты когда-нибудь думал о смерти?

Глава 2

На меня уставился глаз – черный, но запорошенный в центре катарактой; серый туман скрывал его темные очертания. Из середины, словно морщинки, разбежались лучики. В какой-то момент они превратились в рисунок на дереве. Глаз стал сучком, туман – окутывающей его, подобно одеялу, паутиной. Она была испещрена высохшими шкурками давно погибших насекомых. Самого паука я не заметил.

Я долго смотрел вверх, пока не сообразил, что находилось надо мной – деревянная балка, грубая и потемневшая от времени. Еще немного, и я осознал, что очнулся. Однако не ощутил ни малейшего желания двигаться. Мне было тепло и уютно, и в этот момент больше ничего не требовалось. Мысли отсутствовали, мозг довольствовался созерцанием паутины над головой. Но как только я подумал об этом, спокойствие исчезло. Сознание принесло с собой вопросы, и от этого вспыхнул страх. Кто, что, где?

Я приподнял голову и огляделся. Кровать стояла в помещении, принадлежность которого мне определить не удалось. Ни больница и ни камера в полицейском участке. Солнечный свет проникал внутрь сквозь единственное маленькое окно. Балка, на которую я смотрел, оказалась стропилом, частью треугольных конструкций, с обеих сторон уходящей с пола вверх. Из-под положенной внахлест кровельной драп-

ки били лучики света. Следовательно, это чердак. По виду нечто вроде амбара. Длинного, с некрашеными половыми досками и фронтонами с двух сторон, к одному из которых была придвинута моя кровать. У неоштукатуренных каменных стен навален всякий хлам и мебель, в основном сломанная. Неприятный запах свидетельствовал о возрасте строения – так пахнут старое дерево и старая кладка. Было жарко, но не настолько, чтобы испытывать неудобство.

Свет, проходивший сквозь грязное стекло, показался мне бодрым, ранним. А часы на моей руке показывали семь. Словно в подтверждение, что было утро, откуда-то снаружи донеслось хриплое, задиристое кукареканье петуха.

Я не представлял, где нахожусь и что здесь делаю. Но как только пошевелился, неожиданная боль в ступне сразу освежила мою короткую память. Откинув покрывавшую меня простыню, я с облегчением убедился, что нога по-прежнему на месте. Перевязана белым бинтом, из-под него высывались похожие на редиски пальцы. Я попробовал осторожно пошевелить ими. Это вызвало боль, но не такую сильную, как прежде.

Только теперь я осознал, что лежу голый. Джинсы и майка висели на спинке стоящего рядом с кроватью деревянного стула. Одежда была аккуратно сложена и недавно выстирана. На полу стояли ботинки. Тот, что пострадал от капкана, пытались привести в порядок, но на коже так и остались пятна крови, а дырки от зубьев капкана не взялся бы залатать ни

один сапожник.

Накрывшись простыней, я попытался разобраться, что произошло между тем, как я попал в капкан, и моим пробуждением на этой кровати. Но память подбросила другие воспоминания – от ловушки в лесу к тому, как я голосовал на шоссе, и брошенной на проселочной колее машине. Я восстановил события, которые и привели меня сюда. А когда все встало на место, закрыл лицо рукой и пробормотал:

– О господи...

Из этого состояния меня вывел вид моего рюкзака, стоявшего у черной лошадки-качалки. Я помнил, что лежало внутри, и мысль о спрятанном там свертке заставила меня сесть на кровати. Но я слишком поспешил – помещение завертелось у меня перед глазами, и потребовалось усилие, чтобы побороть тошноту. Едва она стала отступать, как я услышал приближающиеся снизу шаги. Затем в полу, громко скрипнув, открылся люк. Рука откинула крышку, и на чердак поднялась женщина. Я узнал ее: это была та самая женщина, которую я видел на ферме с ребенком. Так был получен ответ на вопрос, где я нахожусь, однако оставалось выяснить, почему. Увидев меня, женщина в нерешительности помедлила.

– Очнулись?

Я не сразу сообразил, что она говорит по-английски. С сильным акцентом, немного запинаясь, но достаточно свободно. Почувствовав за спиной грубый камень, я обнаружил,

что привалился к стене. Рука собрала простыню в потный ком.

Я заставил себя разжать пальцы. Женщина остановилась на расстоянии от моей постели, которая, как я теперь понял, была всего лишь положенным на пол матрасом.

– Как вы себя чувствуете? – Голос был низким, негромким.

Женщина была в блузке без рукавов и потертых джинсах. В ней не чувствовалось никакой угрозы, однако медлительный компьютер в моем мозгу словно завис. Я попытался говорить, но горло сдавил спазм. Сглотнул и пробормотал:

– Моя нога...

– Вас сильно поранило, но не беспокойтесь, все в порядке. Легко ей говорить «Не беспокойтесь». Я окинул взглядом помещение.

– Где я?

Женщина ответила не сразу – то ли ей понадобилось время, чтобы понять вопрос, то ли чтобы сформулировать фразу. Я повторил вопрос по-французски.

– На ферме. Там, куда заходили за водой. – На своем родном языке она говорила живее, но все равно как-то неуверенно, словно перед тем, как что-нибудь сказать, проверяла себя.

– Это... вроде как амбар?

– В доме места не нашлось. Моя сестра обнаружила вас в лесу. Сходила за мной, и мы принесли вас сюда.

В памяти мелькнуло девичье лицо, но я так и не мог взять в толк, что произошло, отказывался что-либо понимать. В голове еще плавал туман, и мне трудно было определить, что было реальностью, а что бредом.

– Сколько времени я здесь?

– Мы нашли вас три дня назад.

– Три дня!

Возникло смутное ощущение пережитого: боль, пот, ободряющие слова и прикосновение прохладных рук. Но все это могло происходить не наяву, а во сне. Я почувствовал, что во мне снова зарождается тревога, и с опаской наблюдал, как женщина достает из кармана и разворачивает завернутую в ткань большую белую таблетку.

– Что это?

– Антибиотик. Мы давали его вам, пока вы были без сознания. Вас лихорадило, и рана нагноилась.

Я взглянул на топорщащуюся над моей ногой простыню, и ко мне вернулись все мои страхи.

– Что с ногой?

Женщина взяла стоявшую рядом с постелью бутылку и налила в стакан воды.

– Заживает. Но некоторое время вы не сможете наступать на нее.

Если она даже говорила неправду, то я никак не мог ее проверить.

– Что произошло? Там был какой-то капкан...

– Позже. Сейчас вам надо отдыхать. Держите.

Она подала мне таблетку и стакан. У меня путалось в голове, и я не мог мыслить ясно. Женщина распространяла вокруг себя атмосферу тихой сдержанности, и это почему-то успокаивало. Ей было лет тридцать, худощавая, но с полной грудью и широкая в бедрах. Темные волосы коротко подстрижены на затылке, и она постоянно заправляла их за уши с одной и с другой стороны жестом, показавшимся мне больше привычным, чем манерным. Но что в ней поражало, так это глаза – дымчатые, темно-серые, сразу заметные на ее усталом лице.

Я запил таблетку одним глотком и, почувствовав, как мучает меня жажда, осушил стакан до дна.

– Еще? – спросила женщина. Я кивнул и протянул ей стакан. – Свежая вода в бутылках рядом с постелью. Старайтесь пить как можно больше. А если боль усилится, примите две вот этих.

Она показала мне пузырек с лекарством. И в тот же миг, словно по команде, ногу стало дергать. Ощущение было лишь слабым отзвуком того, что я испытывал раньше, но все равно – больно. Я не хотел показывать женщине свою слабость, но по взгляду ее спокойных серых глаз понял, что обмануть мне ее не удалось.

– Как вы догадались, что я англичанин?

– Посмотрела ваш паспорт, – без колебания ответила она.

У меня внезапно пересохло во рту.

– Вы лазили в мой рюкзак?

– Только для того, чтобы выяснить, кто вы такой. – В ее решительном тоне не было ни намека на извинение.

Я старался не смотреть в сторону рюкзака, но почувствовал, как часто забилося сердце в груди.

– Мне пора идти, – произнесла женщина. – Постарайтесь отдохнуть. Скоро принесу вам что-нибудь поесть.

Я кивнул. Мне внезапно захотелось, чтобы она поскорее ушла. Дождавшись, когда за ней закроется люк, я потянул к себе рюкзак. Освободившись от его веса, детская лошадка клюнула носом и принялась раскачиваться. Я открыл клапан и, запустив руку в рюкзак, принялся шарить внутри. Но не нашел ничего, кроме одежды. И когда решил, что пакет исчез, пальцы наткнулись на полиэтиленовые складки.

Не знаю, испытал ли я облегчение или огорчился.

Пакет, судя по всему, не трогали. Он увесисто лежал в моей руке и своей тяжестью словно упрекал меня. Следовало избавиться от него, когда была возможность. Теперь поздно. Я завернул его в майку и положил на дно рюкзака, прикрыв остальной одеждой. Проверил паспорт и деньги – все оказалось на месте. Но когда укладывал их обратно, пальцы коснулись глянцевого квадрата карточки.

Не в силах перебороть себя, я опять вынул фотографию. При взгляде на обращенное к солнцу, улыбающееся девичье лицо засосало под ложечкой, и, повинувшись порыву, я схватил снимок за края, намереваясь разорвать надвое. Но не сумел.

Вместо этого разгладил и снова положил в кармашек.

Я вдруг почувствовал изнеможение. И был совершенно сбит с толку. Женщина мне вообще ничего не объяснила, и прежде всего: почему я лежу в каком-то амбаре, а не в больнице. С запозданием я сообразил, что, когда она уходила, кроме звука закрывающегося люка, я слышал кое-что еще – громкое бряканье металла о дерево. Звук возвращаемой на место задвижки.

Я повернул ногу на матрасе, и забинтованную ступню прострелило болью. Не обращая на это внимания, встал, чуть не упав. Привалившись к каменной стене, переждал, пока амбар перестанет вращаться вокруг меня, и сделал шаг. Нога подогнулась под моим весом, я качнулся вперед и ухватился за стул, отчего внутри его основания что-то глухо грохнуло. Оказывается, это был не стул, а стульчак для ночного горшка, и тут я впервые осознал, как распирает мой мочевой пузырь.

Но с этим придется подождать. Далеко мне уйти не удастся, но на матрас я не собирался возвращаться, пока не выясню то, что хотел узнать. Опираясь на расставленную у стен мебель, я доплелся до люка. В крышку было вделано кольцо. Держась за старый секретер, я потянул за него. Крышка слегка подалась, но дальше не двинулась.

Люк закрыли на засов.

Пришлось бороться с новым приступом паники. Я не представлял, зачем меня требовалось запирать. Во всяком

случае, ничего хорошего в голову не приходило. Не могло быть и речи, чтобы ломать замок. Даже если бы удалось найти нечто такое, чем бы я сумел вывернуть его, сил на это после того, как я сюда добрался, уже не оставалось. Я воспользовался горшком и, радуясь этому малому облегчению, повалился на матрас. Я был весь в липком поту – теперь не только дергало ногу. Разболелась голова.

Я принял две таблетки болеутоляющего и снова лег на постель, но был слишком взбудоражен, чтобы заснуть. Когда боль в ступне стала успокаиваться, со стороны люка слышался негромкий звук. С легким скрежетом отодвинули засов, скрипнули петли, и крышка поднялась.

На сей раз пришел кто-то другой – девушка. Раньше я ее не видел, но когда она опускала крышку люка, игра света на ее лице всколыхнула мою строптивую память. Девушка несла поднос и застенчиво улыбнулась, увидев, что я сижу. В припадке скромности, присущей скорее обнаженному натурщику эпохи Ренессанса, я поспешно натянул на бедра простыню. Девушка потупилась, стараясь не рассмеяться.

– Принесла вам кое-что поесть.

На вид ей было лет двадцать. Очень миловидная даже в поношенных майке и джинсах и красных шлепанцах, которые своей несообразностью меня подбодрили.

– Только хлеб и молоко, – объяснила она, опуская поднос рядом с моей постелью. – Матильда сказала, что вам много нельзя.

– Матильда?

– Моя сестра.

Несомненно, та, другая женщина. Не слишком они похожи. Волосы девушки светлее – ее можно назвать почти блондинкой – и спускаются до плеч. Глаза хотя и серые, но не такие темные, как у сестры. На переносице горбинка, свидетельствующая о том, что нос был когда-то сломан. Небольшой изъян, который вовсе не портил общей картины, а наоборот, добавлял ей очарования.

Девушка бросала на меня быстрые взгляды и не переставала улыбаться. И когда улыбалась, на щеках появлялись ямочки.

– Меня зовут Греттен. – Имя не французское, но как только она его произнесла, я сразу решил, что оно ей очень подходит. – Я рада, что вы очнулись. Столько дней не приходили в себя.

Теперь я сообразил, почему Греттен показалась мне знакомой: значит, похожая лицом на Мадонну девушка была не плодом воображения во время бреда.

– Это вы меня нашли?

– Да. – Она смутилась, но в то же время казалась довольной. – Если честно, не я, а Лулу.

– Лулу?

– Наша собака. Начала лаять. Я подумала, что она увидела кролика. Вы выглядели как мертвый – совсем не шевелились. И вас всего облепили мухи. Но потом вдруг издали ка-

кой-то звук, и я поняла, что вы живы. – Греттен быстро покосилась на меня. – Непросто было вытащить вас из капкана. Пришлось разводить половинки ломиком. Вы брыкались и выкрикивали что-то.

Я сделал усилие, чтобы мой голос не дрогнул:

– Например?

– Несли всякую чушь. – Греттен обошла мою постель и оперлась о лошадку-качалку. – Бредили и говорили по-английски, так что я не поняла. Но как только мы освободили вашу ногу, сразу затихли.

Она рассказывала так, словно в том, что произошло со мной, не было ничего необычного.

– Кто «мы»? – поинтересовался я.

– Я и Матильда.

– Вдвоем, без посторонней помощи, втащили меня сюда?

– Конечно. Вы не такой уж тяжелый.

– Но почему... почему я не в больнице? Вы вызывали «скорую помощь»?

– У нас нет телефона. Да и нужды никакой не было. Матильда знает, как лечить раны. Папа уехал с Жоржем, и она не хотела... В общем, справились сами.

Я не представлял, кто такой Жорж, но мне и без того хватало о чем поразмышлять.

– Матильда медсестра?

– Нет, но она ухаживала за матерью, перед тем как та умерла. И привыкла лечить животных, если они случайно

поранятся. Подсвинки вечно либо обдираются, либо режутся о колючку.

Я не знал, кто такие подсвинки, но, честно говоря, мне было безразлично.

– Так вы даже врача не вызвали?

– Говорю вам, не было необходимости. – В голосе Греттен прозвучали раздраженные нотки. – Почему вы так расстраиваетесь? Должны быть благодарны, что мы за вами ухаживаем.

Ситуация становилась все более абсурдной, но я находилась не в том положении, чтобы с кем-то ругаться.

– Конечно, я благодарен... просто у меня в голове все спуталось.

Греттен смягчилась, уселась на лошадку-качалку и скользнула взглядом по моему лицу.

– Что с вашей щекой? Упали, когда попали в капкан?

– Наверное. – Я совсем забыл про синяк. Потрогал ушиб пальцем, и от боли возникли воспоминания, заставившие гулко забиться сердце. Опустив руку, я постарался сосредоточиться на том, что происходило теперь. – Капкан выглядел не старым. У вас есть соображения, как он там оказался?

Она кивнула.

– Это один из папиных.

Не знаю, что меня больше поразило: небрежность, с какой Греттен признала данный факт, или вытекающий из ее слов вывод, что в лесу стояли и другие ловушки.

– Хотите сказать, что знали об этом капкане?

– Разумеется. Папа их много расставил. Только он один точно знает, где находится каждый, но он нам объяснил, в каких местах надо быть осторожнее.

Греттен произносила «папа», проглатывая звук «а», отчего ее губы выпячивались вперед. Но звучало это скорее уважительно, чем по-детски. Но в тот момент меня заинтересовало иное.

– Кого вы ловите? Медведей?

Я смутно припоминал, что бурые медведи могут водиться в Пиренеях, но уж никак не здесь. Однако хватался за соломинку – это было единственное невинное объяснение того, что произошло со мной.

Смех Греттен лишил меня последней надежды.

– Нет! Капканы отпугивают двуногих незваных гостей.

Она сказала это так, словно ставить капканы на людей – естественно. Не веря собственным ушам, я посмотрел на ногу.

– Вы серьезно?

– Лес – наша собственность. Если кто-то в него заходит, пусть пеняет на себя. Что вы делали на нашей земле?

Прятался от полицейской машины... Надо было выбирать меньшее из двух зол.

– Забрел по нужде.

Греттен хихикнула и сразу оттаяла.

– Готова спорить: теперь жалеете, что не потерпели.

Я изобразил улыбку. Она, разглядывая меня, перебирала пальцами грубую гриву игрушечной лошадки.

– Матильда утверждает, будто вы дикий турист. У вас отпуск?

– Что-то вроде этого.

– Очень хорошо говорите по-французски. Завели французскую подружку?

Я покачал головой.

– А английская есть?

– Нет. Когда я смогу уйти?

Греттен перестала поглаживать конскую гриву.

– А что? Спешите?

– Меня ждут люди. Будут обо мне беспокоиться.

Ложь прозвучала неубедительно даже для меня. Греттен откинулась назад, опершись сцепленными за спиной руками о качалку. Майка туго обтянула ее груди. Я отвел взгляд.

– Вам пока нельзя уходить. Вы еще не здоровы. Не забывайте, вы чуть не умерли. Должны быть благодарны.

Она сказала это во второй раз, словно угрожала. Крышка люка за ней осталась не запертой, и мгновение я раздумывал, не совершить ли побег. Но вынужден был смириться с реальностью: бегство в тот момент стало бы не самым удачным выбором.

– Мне пора, – заявила Греттен, поднимаясь с лошадки, которая резко качнулась.

Она наклонилась, чтобы открыть тяжелую крышку люка,

и джинсы плотно натянулись на ее теле. Шоу получилось более впечатляющим, чем требовалось. И когда Греттен распрямлялась, я перехватил ее взгляд и решил, что сделано это было не случайно.

– Не могли бы вы оставить люк открытым? Мне не хватает воздуха.

Она весело, по-детски рассмеялась:

– А куда же он делся? Если бы не хватало, вы не смогли бы дышать и умерли.

Крышка за ней закрылась. И хотя я ждал этого звука, тем не менее вздрогнул, услышав, как она задвигает засов.

Я не помню, как заснул. А когда проснулся, на чердаке сгустились сумерки и повсюду плавали тени. Повернув часы так, чтобы на них падал свет, я увидел, что уже десятый час. Прислушался к звукам снаружи, но ничего не уловил. Ни шепота, ни птицы, ни насекомых. Возникло ощущение, будто я последний человек на земле. Принесенный Греттен поднос с едой по-прежнему оставался возле постели. На нем стояли наполненная водой бутылка из-под вина, чашка с молоком и два куска домашнего хлеба. Удивительно, но я испытывал голод. Молоко оказалось холодным и жирным, и по привкусу понял, что оно козье. Обмакивая в него хлеб, подумал, что тем, что принесла девушка, мой голод даже не приглушить. Но оказалось, что тот, кто готовил еду, знал свое дело. Прожевав раз-другой, я почувствовал, как сначала идет

на убыль, а затем и вовсе пропадает аппетит. И, отодвинув остатки трапезы, вновь улегся на кровать.

Вскоре я, сытый, лежал и смотрел на темнеющие балки крыши, прислушиваясь к боли в ступне, которую дергало с ритмичностью метронома. Я никак не мог решить: кто я в этом доме – пленник или пациент? За мной хорошо ухаживали, и, если принадлежавший ферме лес напичкан незаконными ловушками, ясно, почему хозяева не желали рисковать и везти меня в больницу.

Но затем рассуждения поворачивали в неприятную сторону. Я по-прежнему заперт в амбаре, и никому не известно, где я нахожусь. Как повернутся дела, если мне станет хуже? И что произойдет, если я поправлюсь? Выпустят и позволят уйти?

Весь в поту, я ворочался и метался на комковатом матрасе, пытаюсь устроиться поудобнее. И в какой-то момент опять задремал и опять оказался в той рожице, где бросил машину, и теперь пытался стереть пятна крови с ремня безопасности. Они не отчищались, и ремень колотил по сиденью – громче, громче, громче... Я проснулся, однако звуки не прекратились, теперь они раздавались из-под пола. Потребовалось несколько мгновений, чтобы до меня дошло: кто-то поднимается по лестнице. Проскрежетала отодвигаемая задвижка, и крышка люка открылась. Падая, она грохнула по полу, и мужчина с лампой и охотничьим ружьем в руках, бухая ногами по ступеням, одолел последний метр на

чердак. Лет пятидесяти, крепко сложенный, грудь, как говорится, колесом, волосы серо-стального цвета, высушенное солнцем лицо искажено гневом. Он не наставлял на меня ружье, но нес его так, будто подумывал, что неплохо бы это сделать.

Я вжался спиной в стену и смотрел, как мужчина громко топает ко мне по полу чердака. Следом за ним по лестнице поспешно поднималась Матильда.

– Не надо! Пожалуйста, не надо!

Он не обратил на нее внимания. Остановился около моей постели и уставился на меня сверху вниз. Желтый отсвет от лампы образовал вокруг нас полость света, отчего остальное помещение погрузилось в еще больший сумрак.

– Убирайся! – прорычал он, распространяя вокруг себя ауру едва сдерживаемой злости, – по всему было видно, что он из последних сил боролся с желанием стащить меня с матраса.

Матильда схватила его за руку.

– Позволь ему хотя бы остаться до утра!

Не сводя с меня взгляда, мужчина движением плеча освободился от нее и повторил:

– Убирайся!

Выбора не оставалось, и я, делая вид, будто меня несколько не смущает моя нагота, откинул простыню. Доковылял до стульчака и сидя одевался, стараясь не морщиться, когда пропихивал в штанину джинсов забинтованную ступню.

Обуть больную ногу я все равно бы не смог и положил разорванный ботинок в рюкзак с остальными вещами. Закончив сборы, я, пошатываясь, встал.

Мужчина – как я решил, отец Матильды и Греттен – махнул ружейным прикладом в сторону люка.

– Двигай!

– Хорошо, хорошо, двигаю, – произнес я, стараясь сохранить достоинство.

Но одно дело сказать, другое выполнить – я не был уверен, что сумею пересечь чердак. Немного постоял, собирая силы для долгого пути к люку. Лицо Матильды ничего не выражало, словно она обособилась от всего, что перед ней происходило. Ее отец сделал ко мне шаг.

– Пошел!

Не мне было с ним спорить. Обеими руками я схватился за алюминиевую раму рюкзака и, толкая перед собой, стал опираться, как на ходунок. И таким образом, делая медленные болезненные скачки, одолел дистанцию до отверстия люка. Матильда с отцом шли следом. В свете его лампы я заметил на ступенях лестницы Греттен с ребенком. Поразительно, но малыш спал, безвольно повиснув у нее на плече.

Я поставил рюкзак на самый край люка. До этого места меня довели гнев и унижение, но я понятия не имел, как двигаться дальше. Чистая одежда прилипла к телу, и я ощущал собственный запах – это был запах пота больного. Осторожно опустившись на пол, я сел на край отверстия и пропу-

стил руки в лямки рюкзака. Скользнул вниз, выставив перед собой здоровую ногу, чтобы перенести на нее свой вес. И наполнился ощущением триумфа, когда, держась за кромку люка, перескочил на следующую ступеньку. Но в этот миг меня толкнули в спину, и я, не успев ничего сообразить, полетел в темноту.

Воздух вылетел из груди, когда я шлепнулся у подножия лестницы. Угодил в какие-то бутылки, и они, устроив настоящую какофонию, разлетелись по полу. Оглушенный, не в силах подняться, я ловил ртом воздух, а сверху меня своим весом придавил рюкзак. Я барахтался под ним, пока кто-то не пришел мне на помощь.

– Вы целы?

Это была Матильда. Прежде чем я успел ответить, по лестнице спустился ее отец, и свет лампы заиграл в раскатившихся вокруг бутылках. За ним я заметил в тени Греттен. Ребенок проснулся и заплакал, но это никого не интересовало. Мы оказались на деревянной галерее – платформе между чердаком и тем, что скрывалось во тьме и было, как я догадался, землей. Я стряхнул с себя руку Матильды и, подобрав бутылку и ухватившись за горлышко, с трудом поднялся и приготовился к встрече с ее отцом.

– Не подходи! – Французский меня подвел, и, выкрикнув слова по-английски, я угрожающе поднял бутылку. Раненая ступня протестовала, когда я, стараясь найти устойчивую точку опоры, переминался с ноги на ногу.

Мужчина спустился с лестницы – центр создаваемого лампы желтого светового круга. Презрительно посмотрев на бутылку, он крепче сжал в руках ружье и шагнул ко мне. Между нами встала Матильда.

– Не надо! Пожалуйста!

Не знаю, к кому она обращалась, к отцу или ко мне. Но мужчина замер и смотрел на меня с ненавистью.

– Я пытался уйти! – закричал я.

Голос меня не слушался. От выброса адреналина я сразу ослабел и задрожал. Внезапно ощутил в руке холодную тяжесть бутылки. Почувствовав дурноту, покачнулся и на мгновение снова оказался на темной улице, где передо мной готовилась прокручиваться другая сцена кровавого насилия.

Я выпустил бутылку, она покатила по пыльному полу и, глухо звякнув, ударила о другую. Ребенок верещал и бился в руках Греттен. Никто не сказал ни слова, когда я, шатаясь, направился к следующему пролету лестницы. Но ноги подкосились, и я упал на колени. От отчаяния чуть не расплакался, однако подняться не хватило сил.

Матильда опять оказалась рядом и подхватила меня под руку.

– Сам справлюсь, – раздраженно буркнул я, но она не обратила внимания и, привалив меня к деревянному брусу, повернулась к отцу.

– Он не в том состоянии, чтобы куда-то идти.

Лицо мужчины посуровело.

– Это меня не касается. Я не желаю, чтобы он здесь оставался.

«Если бы не твой капкан, меня вообще бы здесь не было», – хотел я сказать, но слова застряли в горле. Кружилась голова. Я уперся затылком в брус и безвольно слушал, что они говорят.

– Он иностранец, откуда он мог знать?

– Мне плевать. Он не останется тут.

– Предпочитаешь, чтобы его забрали в полицию?

При упоминании о полиции я поднял голову, но угроза, судя по всему, не имела ко мне отношения. В моем лихорадочном состоянии мне казалось, будто присутствующие увлечены каким-то им одним интересным спором, подобно взрослым, которые разговаривают над кроватью малыша, а тот ничего не понимает. «Вероятно, они не хотят, чтобы полиция узнала о капканах», – подумал я.

– Позволь ему остаться еще на несколько дней, – умоляла Матильда. – Чтобы он достаточно окреп.

Отец долго не отвечал, затем ожег меня взглядом и презрительно фыркнул.

– Поступай, как знаешь. Только убери его с моих глаз долой. – И он направился к лестнице.

– Оставь лампу, – попросила Матильда.

Отец колебался, видимо, размышлял, не оставить ли нас без света. Затем поставил лампу на пол и молча стал спускаться вниз.

Матильда схватила ее и наклонилась надо мной.

– Можете встать?

Я не ответил. Она повторила вопрос по-английски. Я попытался встать. Матильда сняла с меня рюкзак.

– Обопритесь об меня.

Я не хотел, но выбора не оставалось. Под тонким хлопком ощутил ее сильное, теплое плечо. Она обхватила меня за пояс. Ее голова доходила мне до подбородка. Когда мы достигли подножия лестницы, из тени вышла Греттен. Теперь заплаканное, покрасневшее личико ребенка казалось любопытным, а не жалобным.

– Я тебе велела остаться в доме с Мишелем. – В тоне Матильды прозвучали недовольные нотки.

– Я только хотела помочь.

– Справлюсь. Отнеси его в дом.

– Почему я должна постоянно присматривать за ним? Это твой ребенок.

– Пожалуйста, делай, что тебе говорят.

Греттен, нахмурившись, прошла мимо нас, и ее шлепанцы застучали по ступеням. Матильда вздохнула.

– Давай, – устало промолвила она.

Матильда приняла на себя почти весь мой вес, пока мы поднимались по лестнице и тащились через чердак к моей постели. На это ушла целая вечность. Я рухнул на матрас и даже не заметил, что Матильда отлучилась. Через минуту она вернулась с моим рюкзаком и лампой и поставила их ря-

дом со мной.

– Ваш отец не догадывался, что я здесь? – спросил я. – Вы ему не сообщили?

Матильда находилась за кругом света. Я не видел ее лица и не знал, смотрит она на меня или нет.

– Завтра поговорим, – ответила она и оставила меня одного на чердаке.

Лондон

Рюкзак колотил по спине, когда я бежал к съезду с шоссе, где остановилась и поджидала меня машина с постукивающим мотором. Это был желтый «Фольксваген-жук», помятый и изъеденный ржавчиной, но в тот момент показавшийся мне самым прекрасным на свете автомобилем. Темнело. Я окоченел от холода – два часа стоял у автострады и проклинал проносившиеся мимо меня машины.

А теперь удивился, открыв пассажирскую дверцу и увидев за рулем девушку.

– Куда направляетесь? – спросила она.

– В Лондон, – ответил я, – но буду благодарен, если подбросите до ближайшей бензоколонки. – Мне хотелось обратиться с продувающего насквозь ветра.

– Я еду в Элз-Корт. Устроит?

– Спасибо. Прекрасно.

Там я смогу сесть на метро. Я остановился в Килбурне,

сняв свободную комнату в квартире, чей хозяин отлучился на месяц. Что делать дальше, я не представлял.

Но это были заботы завтрашнего дня. А пока я осторожно, чтобы не задеть лежащую на заднем сиденье большую папку для рисунков, поставил туда же рюкзак, а сам сел на переднее сиденье. Было приоткрыто окно, но чтобы салон не остужался, печка работала на полную мощность.

– Приходится опускать стекло, – объяснила девушка. – Где-то пробивает глушитель. Собиралась отдать в починку, но... – Она пожала плечами, что должно было означать: «Ну что тут поделаешь?» и «Никак не получается».

– Я Шон. – Пришлось повесить голос, разговору мешали гул за открытым окном и гудение печки.

Девушка улыбнулась.

– Хлоя.

На год или два моложе меня. Стройная, с соломенными, коротко подстриженными волосами и темно-синими глазами. Хорошенькая.

– Вы согрелись? – спросила она. – Если долго гонять печку на полную мощность, она перегревается.

Я заверил ее, что мне хорошо. Хлоя протянула руку к приборной панели и отрегулировала температуру. У нее была тонкая рука с длинными пальцами. На запястье тонкий серебряный браслет.

– Удивительно, что вы остановились. Не часто девушки подбирают голосующих. Только не подумайте, что я возра-

жаю, – поспешно добавил я.

– Надо, чтобы и вам повезло. К тому же вы на вид вполне безобидны.

– Спасибо, – рассмеялся я.

Хлоя улыбнулась.

– Зачем вам в Лондон?

– Хочу найти работу.

– Следовательно, переезжаете насовсем?

– Если удастся найти работу, то да. Хотя от слова «насовсем» мне делается не по себе.

– Какого рода работу?

– Любую. В баре, физическую, лишь бы платили.

– У вас есть образование?

– Получил некоторое время назад. Но захотелось попутешествовать и я взял тайм-аут. – «Некоторое время назад» прозвучало нарочито неопределенно. И мне стало неловко за то, что слова сорвались с языка. Большинство моих однокашников уже делали себе карьеры, а я метался с места на место без определенной цели.

– Повезло, – произнесла Хлоя. – Я сама полгода с рюкзаком бродила по Таиланду. Как же было здорово. А вы куда мотались?

– Только во Францию.

– О!

– И собираюсь туда вернуться. Вот только скоплю достаточно денег.

Чего никак не получится в ближайшее время. Даже при том, что я бросил курить, случайные заработки не принесли хороших средств. Хлоя кивала, но почти не слушала меня. Я схватился за сиденье, когда она резко перестроилась в другой ряд, чтобы обогнать грузовик, и при этом выскочила перед носом несущегося «Ягуара». Тому пришлось экстренно тормозить. Сев нам на «хвост», «Ягуар» сердито моргал фарами. Мотор «Фольксвагена» пронзительно звенел, силясь набрать необходимую мощь, но не мог вынести машину вперед грузовика.

– Ну, давай же, зараза, – бормотала Хлоя, бросая через мою голову взгляд на водителя грузовика.

Я с тревогой наблюдал, как она вдавливала ногу в пол, пока обгон не удался и мы не метнулись в свой ряд. Теперь нам на задний бампер навалился грузовик; он ревел клаксоном, приближаясь к «Фольксвагену» с ненормальной девицей. Я отпустил сиденье, чувствуя, что у меня от напряжения заболели кисти.

– И что же вы изучали? – Хлоя как ни в чем не бывало продолжила разговор.

– Кино.

– Теорию или производство?

– Теорию.

– Теперь ясно, – улыбнулась она. – Вот почему вы ездили во Францию. Только не говорите, что ваш герой Трюффо. Или Годар.

– Нет. – Я почувствовал себя уязвленным. – Понимаете...

– Я так и знала.

Я невольно улыбнулся, обрадовавшись, что с кем-то можно поспорить.

– Вам не нравится французский кинематограф?

– Не то чтобы не нравится... Просто я считаю, что их «Новую волну» переоценили. Скука. А возьмите американцев. «Таксист» Скорсезе. – Хлоя повернула руку ладонью вверх, намекая, что другие доказательства не требуются. – Ему не нужна черно-белая пленка, чтобы реализовать свои идеи.

– А как насчет «Бешеного быка»?

– Это особый прием: намек на черно-белую хронику боксерских поединков сороковых и пятидесятых годов. К тому же кровь во время боя выглядит эффектнее в черно-белом кадре. Что такого сделал Трюффо, чтобы с этим сравниться?

– Так вы полагаете...

Спор продолжался, и каждый из нас стремился его подогреть, пока Хлоя не остановилась на бензоколонке заправиться. Взглянув на дорожный указатель, я увидел, что до Лондона осталось всего двадцать миль. Время в пути пролетело незаметно. Хлоя отмахнулась от моего предложения поучаствовать в покупке бензина. Но когда мы снова выехали на дорогу, казалась чем-то расстроенной.

– А теперь расскажите о себе. – Я сделал жест в сторону заднего сиденья, где лежала ее папка. – Вы художник?

– Это то, в чем я себя убеждаю. – Хлоя улыбнулась,

но печально. – Днем работаю официанткой и иногда стараюсь продать всякие картинки рекламным агентствам. Сейчас возвращаюсь после очередной встречи. Предлагала изображение большеглазого котенка производителю кошачьей еды.

– Поздравляю, – произнес я.

– Они не клюнули. – Хлоя пожала плечами. – Да и картинка была посредственная.

Нас окружили предместья Лондона, и вскоре мы оказались на окраине города. Недовольная медленным движением, Хлоя постукивала пальцами по рулю. В Элз-Корт она подвезла меня к станции метро и остановилась, не глуша мотора. Я искал повод, чтобы задержаться, но Хлоя ждала, чтобы я вышел.

– Спасибо, что подвезли.

– Не за что.

Я собрался спросить номер ее телефона, но постеснялся. Когда я полез на заднее сиденье за рюкзаком, Хлоя вдруг сказала:

– Я знаю кое-кого в частной лингвистической школе. Там не хватает преподавателя английского языка. Если хотите, могу замолвить за вас слово.

Ее предложение застало меня врасплох.

– У меня нет квалификации педагога.

– С программой английского как иностранного справитесь. По-французски говорите?

– Да, но...

– Как раз то, что требуется. У них учится много французов.

Я в жизни ничего не преподавал, даже не представлял подобной возможности. Но почему бы и нет, если ничего иного не подворачивается?

– Спасибо за предложение. – Я набрал в легкие воздух. – Как насчет того... чтобы как-нибудь вместе сходить куда-нибудь выпить?

Глава 3

Теперь я находился у ручья, где оставил машину. Быстрая вода была прозрачной. Но когда я опустил в нее руки, то не ощутил пролады. Она оказалась теплой – одной температуры с телом. Я старался вычистить из-под ногтей запекшуюся кровь, но ее становилось все больше. Кровь замутила воду, и мои запястья омывал тягучий красный поток. Я понимал, что и моя кровь вымывается им, и от этого тер еще сильнее. Когда я вынул руки из ручья, они по локти были красными, и с них падали капли. Я собирался опять опустить их в воду, но в этот миг судорогой свело ногу. Наклонившись на нее посмотреть, я обнаружил, что лежу в постели. Солнечный свет заливал чердак. Голова была ясной – никакой путаницы. Я сразу сообразил, где нахожусь. Лежал, смотрел на крышу и ждал, когда исчезнут последние остатки сна и утихнет сердцебиение.

Сон растаял, но боль в ступне не исчезла. К тому же у меня теперь ныло во всем теле, напоминая о том, как мне вчера пересчитали кости. Вспомнив, что случилось, я взглянул на рюкзак. На нем ясно отпечатались подошва ботинка. Вид отпечатка сразу всколыхнул мысли: господи, что же это такое? То, что произошло, было возмутительно. Меня втоптали в грязь. Я больше ничего не понимал, но в глубине души испытывал облегчение. По крайней мере я не пленник.

Черная лошадка-качалка, закатив глаз, зло смотрела, как я принимаю утренние болеутоляющие и запиваю тепловатой водой из стоявшей рядом с матрасом бутылки из-под вина. На моих часах было восемь, но никто так и не принес мне завтрак. А я опять проголодался, что являлось, по-моему, добрым знаком. Слабость никуда не делась, но она была уже не той, подавляющей волю, как вчера. Если не считать нескольких ссадин и шишки в том месте, где я ударился головой, даже полет с лестницы не нанес мне особенного урона.

Утреннюю тишину нарушил раздавшийся вдали звук – похожий на удар бича треск выстрела, затем еще. «Уж не отец ли Матильды вымещает злобу на местной фауне», – подумал я, вспомнив, что вчера этот сукин сын притащился ко мне с охотничьим ружьем. Глядя на покрытую паутиной крышу, я пытался разобраться в том, что со мной произошло. Одно было ясно: отсюда надо выбираться. Но как только я начинал размышлять о более отдаленном будущем, меня охватывало отчаяние. Я попал в переplet еще до того, как угодил ногой в капкан. И что бы ни происходило здесь, на ферме, ситуацию не меняло.

Но я не мог себе позволить заикливаться на этом. Сначала самое главное, а потом все остальное. Когда я оперся на забинтованную ногу, ступню пронзила боль, разбив мои надежды на какое-либо перемещение в пространстве. Я приблизился к окну. Грязное стекло затягивала похожая на рас-

ползающий муслин паутина. Тянувшаяся к стропилам нить незаметно попала мне в глаз. Я смахнул ее и выглянул наружу. Залитое солнцем поле было исполосовано рядами виноградной лозы. Оно простиралось до леса, за ним виднелось небольшое озеро. Видимо, то же, которое я заметил перед тем, как попал в капкан, но сверху его поверхность выглядела зеркально-гладкой и светло-голубой от отраженного в воде неба.

Раздались слабый хлопок выстрела и лай собаки. Я ничего не увидел, но от одной мысли о человеке, с кем накануне пришлось познакомиться, скрутило узлом желудок. Осторожно, чтобы не наткнуться на фотографию, я поискал в рюкзаке пачку «Кэмела», которую взял из брошенной в лесу машины. Сигареты показались отвратительными на вкус, но мне нужно было успокоить нервы. Я курил, сидя на матрасе, привалившись спиной к грубой стене и вытянув перед собой ноги. Пачка была уже наполовину пустой, надо будет поберечь то, что в ней осталось.

Кто знает, на сколько времени мне придется растягивать эти сигареты?

Докурив, я достал боксерские трусы – хоть какая-то психологическая поддержка на случай, если снова заявится с визитом папаша. Только я успел их надеть, как услышал на лестнице шаги. Весь сжался, но сразу сообразил, что ступают не так тяжело, как он. Крышка люка открылась, и в проеме появилась Матильда. Я посмотрел ей за спину и с облегче-

нием увидел, что она одна. С бесстрастным, ничего не выражающим лицом она приблизилась к моей постели.

– Доброе утро!

Матильда принесла поднос с завтраком и миску с водой. Там же лежали бинт и облезлая жестянка с аптечкой первой помощи. На руке Матильды висело полотенце.

– Нужно сделать вам новую повязку, – сказала она. – Та уже не годится.

Матильда поставила поднос на матрас и села рядом. Заправила волосы за ухо и посмотрела на мою ступню.

– Как нога? – спросила она, разматывая бинт.

– От того, что меня вчера спустили с лестницы, лучше не стала.

Не хотел говорить колкости, но не сумел с собой справиться. Пока Матильда снимала повязку, я все больше нервничал. Под бинтом оказались слипшиеся и присохшие к ране хирургические тампоны. Когда Матильда попыталась отодрать один из них, полыхнуло такой болью, что у меня перехватило дыхание.

– Извините.

Она извлекла из аптечки вату, опустила в воду и принялась отмачивать повязку. Один за другим тампоны отходили от кожи – теперь Матильде приходилось лишь слегка потянуть. Ее плечо загоразивало от меня ступню.

– Я слышал, как утром кто-то стрелял.

– Отец. Пошел поохотиться.

– Полагаю, это он приходил вчера вечером.

– Да. – Она снова заправила за ухо прядь волос. – Прошу прощения. Мой отец – замкнутый человек. Он не любит чужаков.

– Я уже догадался. – Напрасно я это брякнул. Матильда не отвечала за поступки отца и, помогая мне, навлекла на свою голову неприятности.

– Почему вы не отвезли меня в больницу? Боялись, что возникнут проблемы из-за ваших капканов?

Она подняла голову.

– Я решила, что будет лучше, если стану лечить вас сама. Но если бы вам потребовалась неотложная медицинская помощь, вы бы ее непременно получили.

Странно, но я ей сразу поверил.

Матильда еще мгновение не сводила с меня взгляда, затем вернулась к работе и продолжила снимать повязку.

– Следовательно, я волен уйти, когда захочу?

– Разумеется.

– В таком случае зачем вы закрывали на замок крышку люка?

– Вы были в бреду – могли упасть с лестницы и покалечиться.

Учитывая вчерашние события, ее слова показались мне настолько нелепыми, что я чуть не расхохотался.

– Или не желали, чтобы меня увидел ваш отец?

Матильда промолчала, тем самым подтвердив мое пред-

положение. Я не представлял, как она собиралась скрывать мое присутствие на ферме. Но, познакомившись с ее папашей, вполне мог ее понять. Оставалось благодарить судьбу, что в лесу на меня наткнулись его дочери, а не он.

– Как вам удалось поднять меня сюда без ведома отца?

– У него больная спина, и во второй половине дня обычно он спит. Из леса мы выносили вас на одеяле. Часто останавливались, чтобы передохнуть. – Матильда осторожно отлепляла от кожи последний тампон. – В амбаре нет удобств. Но в нем тепло и спокойно. Можете оставаться здесь сколько угодно. Во всяком случае, до тех пор, пока не окрепнете.

– Вы не боитесь, что я расскажу полиции о том, что случилось?

– Это ваше право.

И снова мне захотелось ей поверить. Но лишь до тех пор, пока я не вспомнил о полиэтиленовом пакете в рюкзаке. Наверное, у Матильды есть причины считать, что я не сунусь в полицию? От этой мысли меня прошиб пот. Но тут она окончательно сняла повязку, и когда я увидел, что находилось под ней, то забыл про все остальное.

– Проклятие!

Нога распухла и побагровела. Ногти на пальцах на фоне синюшной кожи казались крохотными перламутровыми пуговицами. От лодыжки к подъему тянулась цепочка вздувшихся, воспалившихся ран – отвратительных дырок с запекшейся вокруг кровью и гноем. По краям, похожие на лапы

дохлых пауков, торчали нитки от швов.

– Это так и надо? – с тревогой спросил я.

По лицу Матильды я не мог догадаться, что она думает, беря еще кусок ваты и принимаясь протирать раны.

– Заживает.

– Заживает? – Я уставился на ступню, и, словно под действием взгляда, ее стало дергать сильнее. – Вам не кажется, что мне следует показаться врачу?

Она продолжала спокойно обрабатывать раны.

– Я вам говорила, что туда попала инфекция. Поэтому давала антибиотики. Но если хотите, чтобы я привела доктора...

От вида покалеченной ступни у меня возникло острое желание повидаться с врачом. Но врач стал бы задавать вопросы, и не только хозяевам фермы, но и мне. А в Матильде было нечто такое, что внушало доверие.

– Ну, если вы считаете, что все в порядке...

Она кивнула и взяла новый кусок ваты. Кожа на ее руках была грубой, ногти коротко подстрижены, и, как я заметил, на пальцах никаких колец. Обработав последнюю рану, Матильда сменила вату на тубик с мазью и предупредила:

– Будет жечь.

И жгло. Но когда она закончила, нога выглядела не так скверно, как прежде, и больше походила на конечность, чем на отбивную. Матильда наложила новые тампоны и забинтовала. Все проделывалось ловко, экономными движениями.

Из-под темных волос белел кончик уха. Круги под глазами обозначились резче. В ней чувствовалась одновременно ранимость и неприступность – внутренняя сдержанность, в которой не так-то легко пробить брешь. Хотя никто не приносил извинений по поводу случившегося, у меня почему-то возникло ощущение, что по-дурацки себя вел именно я. Когда нога была забинтована, я кашлянул и поблагодарил:

– Спасибо.

Матильда принялась убирать свои перевязочные материалы обратно в аптечку.

– Позднее принесу горячую воду, чтобы вы могли помыться. Если хотите что-нибудь почитать, захвачу для вас книги.

Я был сам не свой, что мало располагало к чтению, и, отказавшись, спросил:

– Сколько мне еще тут валяться?

– Все зависит от того, как скоро вы восстановитесь и сможете ходить. – Матильда оглядела сваленный у стен хлам. – Здесь где-то должны быть костыли. Попробую найти их.

– Чьи они? – Я внезапно встревожился: неужели я не первый узник на этом чердаке?

– Мамины.

Забрав поднос, она направилась к люку. Я смотрел, как Матильда исчезает в проеме, почти ожидая, что крышка за ней закроется. Но на сей раз она осталась открытой.

Сегодня завтрак оказался разнообразнее: приправленные маслом и черным перцем яйца всмятку, хлеб и стакан молока. Я проголодался, но, стараясь продлить удовольствие, ел медленно. Закончив, посмотрел на часы и обнаружил, что время почти не двинулось вперед с тех пор, как я сверялся с циферблатом в прошлый раз. На чердаке становилось жарко, и он наполнялся смолистым запахом разогретого дерева и пыли. Я начинал потеть. Небритый несколько дней, покрытый щетиной, подбородок зудел. Я сознавал, что от меня исходит запах болезни и разгоряченного тела. Не удивительно, что Матильда предложила мне помыться. И еще было противно во рту. Я провел языком по зубам и хмыкнул: вчера мне не требовалось никакой бутылки, чтобы одолеть папашу, – достаточно было просто дыхнуть на него.

Я достал из рюкзака зубную щетку и пасту и чистил зубы до тех пор, пока не заболели десны. А потом опять улегся на матрас. Но был слишком взбудоражен, чтобы уснуть. И поскольку мозг занять было нечем, он начал потихоньку закипать и требовать активности.

Держась за стену, я прыжками пересек чердак к тому месту, где грудой свалили мебель. Матильда сказала, что где-то среди хлама лежат костыли, и обещала поискать их, но я не видел смысла ждать. Здесь валялись какие-то искоре-

женные, разрозненные вещи, покрытые серой пылью. У стульев не хватало ножек, чемоданы заплесневели, комоды без ящиков напоминали беззубые рты. За ущербным, без верха, бюро я обнаружил с полдюжины старинных, затейливо украшенных рам без холстов и стекол. Машинально начал разбирать их, но вдруг вспомнил, что теперь не знаю никого, кому бы онигодились. Эта мысль принесла с собой тупую боль вины.

Оставив в покое рамы, я сосредоточился на поисках костылей. Один обнаружился под кучей сломанных стульев, но второго нигде не было. Однако один все же лучше, чем ничего. Он был из потертого, помятого алюминия. Смахнув с него паутину и отрегулировав по высоте, я начал тренироваться и неуклюже ходил туда-сюда по чердаку. Усилия меня вскоре измотали, зато приятно было сознавать, что я вновь обрел мобильность.

Обливаясь потом и тяжело дыша, я решил отдохнуть, но, как только улегся на матрасе, мысли вновь закружили в голове. Надо было чем-то отвлечься. Большинство моих музыкальных записей хранились в телефоне, но в рюкзаке лежал старый плеер. В нем содержалась приличная подборка дорожек, а батарейки, к счастью, не разрядились. Я вставил в ухо наушник, включил воспроизведение и закрыл глаза, наслаждаясь обволакивающей меня музыкой. Не знаю, как я догадался, что на чердаке находится кто-то еще – то ли почувствовал движение воздуха, то ли заметил, как что-то

мелькнуло против света из окна. Рядом с матрасом что-то стукнуло. Я рывком вскочил, открыл глаза и увидел перед собой человека.

– Боже!

Греттен вздрогнула и чуть не выпустила из рук ведро. Поспешно поставила его на пол, а я выключил музыку и вынул из ушей наушники. Внезапная тишина подействовала, как свет в кинозале во время демонстрации картины.

– Простите. Я подумала, вы спите, – пробормотала она.

– Давно вы здесь? – Греттен не реагировала. И я, сообразив, что говорю по-английски, повторил вопрос по-французски.

– Недавно. – Ответ прозвучал тихо, будто откуда-то издалека. – Матильда прислала вам воду, чтобы вы могли помыться.

Греттен смотрела под ноги, словно стеснялась поднять голову. Она покраснела от того, что тащила наверх ведро, и так вспотела, что хлопчатобумажная ткань прилипла к телу. Ее взгляд скользнул на висевшие у меня на шее наушники.

– Что слушаете?

Это была английская, но известная также в Европе группа. Но когда я сообщил название, понял, что Греттен ее не знает.

– Послушайте, может, понравится. – Я предложил ей наушники.

Ее лицо оживилось, но она покачала головой.

- Лучше не надо. Мне не следует с вами разговаривать.
- Так велел ваш отец? Однако вы уже говорите со мной.
- Это другое. Матильда занята сейчас с Мишелем, папа – с Жоржем.

То есть ее отец не знает, что она пришла на чердак. Я отложил наушники – не хотел неприятностей ни себе, ни Греттен.

- Кто такой Жорж? Муж Матильды?

Она уже упоминала это имя, однако мое предположение заставило ее рассмеяться.

- Нет, Жорж старый. Он помогает папе, – не переставая улыбаться, Греттен вновь посмотрела на наушники. – Может, я все-таки послушаю?

Устроившись на краешке матраса, она надела наушники. Но как только я включил музыку, заморгала.

- Громко!

Я начал убавлять звук. Она покачала головой.

- Не надо. Мне так нравится.

Не слыша себя, она почти кричала. Я вздрогнул и поднес палец к губам.

- Извините.

Греттен слушала музыку с детским восторгом, кивая в такт ритму. Ее лицо казалось мне почти безукоризненным, если не считать горбинки на носу. Но без этого изъяна ее красота была бы пресной. Я включил еще одну дорожку, а когда она закончилась, Греттен не могла скрыть разочарова-

ния. Но вдруг, снова засмуцавшись, сняла наушники.

– Спасибо.

– Вы можете скопировать себе этот альбом.

Она опустила голову.

– Не получится. У нас нет компьютера. Даже плеера не осталось после того, как старый сломался.

Здесь жили, словно в другой эпохе. Подобное существование не очень подходило этой девушке. И уж если на то пошло, ее сестре тоже. Однако я не жалел, что ферма отрезана от внешнего мира.

– Как же вы развлекаетесь?

Греттен дернула плечом.

– Смотрю телевизор, гуляю с Мишелем.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

Старше, чем я подумал. Нет, она выглядела на свои годы, просто была в ней какая-то подростковая девичья незрелость.

– У вас есть друзья?

– Здесь живут ребята по соседству. – Греттен начала наматывать на палец провод наушников. Затем недовольно фыркнула. – Папа не разрешает мне встречаться с городскими. Говорит, что там одни идиоты и не следует тратить на них время.

Почему-то ее слова меня не удивили.

– Вам не скучно?

– Иногда. Но это папина ферма, и если я здесь живу, то нужно выполнять правила. Во всяком случае, бóльшую часть времени.

Греттен лукаво покосилась на меня. Ждала, чтобы я спросил, что означает: «большую часть времени». Но я промолчал.

– Вчера вечером он рассердился из-за того, что вы нарушили правила?

Ее симпатичная мордашка сморщилась.

– Это вина Матильды. Ей нужно было рассказать отцу о вас. Она не имела права хранить все в тайне.

– И вы решили сообщить ему?

– А разве нельзя? – Греттен задиристо вздернула подбородок, став на какое-то время на удивление похожей на отца. – Матильда вечно мной распоряжается, говорит, что можно, что нет. Но как только вы очнулись, справедливость требовала, чтобы отец все узнал. Это его ферма, а не ее.

Я не собирался с ней спорить – достаточно хватало своих проблем, чтобы встречать в их семейные распри. Но вдруг почувствовал, что Греттен сидит ближе ко мне, чем минуту назад. Я ощущал тепло ее рук.

– Вам лучше уйти, прежде чем вас хватятся. – Я отобрал у нее наушники и, отложив в сторону, отодвинулся.

Греттен с удивлением посмотрела на меня, но встала.

– Можно, я еще как-нибудь послушаю?

– А что скажет ваш отец?

Она пожала плечами.

– Он не узнает.

Вот так-то она слушалась папу. У меня сложилось впечатление, что Греттен подчинялась лишь тем из папиных правил, которым хотела. Направляясь к люку, она покачивала бедрами. Я отвернулся и сделал вид, будто занялся наушниками. Когда ее шаги стихли внизу, вздохнул и снова вставил их в уши. Стало жаль Греттен, но не хотелось, чтобы голову мне морочила скужающая восемнадцатилетняя девица. Да еще при таком психопате-отце. Все, что мне было нужно, – как можно скорее убраться с фермы.

А что потом?

Чердак прогрелся больше, чем обычно, и стало совсем душно. Я закурил и, привалившись спиной к каменной стене, выпускал к крыше дым. Глядя, как рассеивается голубое облачко, думал о том, что мне сказали Матильда и Греттен. Во всех разговорах о ферме было одно лицо, которое ни разу не упоминалось.

Отец ребенка Матильды.

Глава 4

Я вышел на улицу на следующее утро.

После прихода Греттен я почти весь остаток предыдущего дня проспал, а в какой-то момент, проснувшись, обнаружил рядом с постелью поднос с едой. Сумел прободрствовать ровно столько, сколько потребовалось, чтобы съесть куриный бульон с хлебом, и снова провалился в сон, хотя намеревался встать и поупражняться с костылем.

На следующее утро понял, что еда и отдых сделали свое дело, – я почувствовал себя значительно лучше. Чердак был залит солнечным светом, но пока не разогрелся, и в нем царил благословенная свежесть, которая к полудню исчезнет. Поднос с остатками ужина поменяли на поднос с завтраком – все те же яйца с маслом. Я не услышал, как это случилось, однако успел привыкнуть к мысли, что на чердак приходят, пока я сплю.

С жадностью поев, я проглотил остатки желтка с хлебом и пожалел, что мало. Ведро с водой, которое накануне принесла Греттен, по-прежнему стояло у постели. Смыв с себя высохший пот, я достал бритву. По моим подсчетам, предстояло справиться с двухнедельной порослью, но в последнюю секунду я передумал. На чердаке не нашлось зеркала, даже какого-нибудь осколка, а на ошупь щетина показалась мне странной – еще не борода, но не мое прежнее лицо. По-

думав, я решил, что это даже неплохо.

Несколько минут я радовался собственной чистоте, но вскоре снова начал потеть. Маленькое чердачное окно было открыто, правда, это мало что давало: ветерок снаружи лишь шевелил воздух, но нисколько не охлаждал. Зной усиливался и будоражил меня. Я встал, решив поупражняться с костылем, и вдруг увидел, что крышка люка открыта. Приблизился к ней и посмотрел вниз.

Никто же не велел мне безвылазно сидеть на чердаке.

Справиться со спуском на сей раз оказалось намного проще. Держа костыль под мышкой, я двигался по ступеням, как по веревочной лестнице. Ступню предостерегающе дергало, и я опирался о каждую ступеньку коленом, чтобы облегчить вес, когда приходилось вставать на больную ногу.

Остановился передохнуть на небольшой площадке, куда упал, когда отец Матильды спустил меня вниз. Пустые бутылки, которые я тогда раскидал, снова стояли в порядке. Но даже при свете дня сарай был промозглым и мрачным. Каменные стены глухие, свет проникал лишь в открытые ворота. Здесь было прохладнее, и, по мере того как я спускался, все явственнее чувствовался запах прокисшего вина вперемешку с заплесневелыми камнями и деревом. Прежде в сарае располагалась небольшая винодельня. Стоял металлический чан, а на мощеном полу остались следы от другого, позже убранного оборудования. В одном месте целую секцию булыжников вывернули, а пол зацементировали – он выгля-

дел новее, но успел покрыться трещинами.

Из стены торчал кран. Когда я повернул вентиль, вода потекла на камни, и я подставил под струю ладонь, чтобы сделать несколько глотков. Вода оказалась такой холодной, что сводило челюсти, но на вкус удивительно свежей. Плеснув на лицо, я подошел к стоящему рядом винному стеллажу. Он был наполовину заполнен бутылками без наклеек, но пробки окрасили пятна, где вино просачивалось наружу. Я понюхал одну и поморщился от ударившего в нос кислого запаха. Затем направился к выходу.

Снаружи струился солнечный свет. Я на мгновение задержался, разглядывая открывшуюся за воротами картину. Внешний мир был вписан в них, словно в раму, и его четкий образ на фоне темных стен походил на экран кинотеатра. Сощурившись от солнца, я оперся на костыль и вышел наружу. Ощущение было таким, будто я шагнул в яркую цветную картинку. Я глубоко вдохнул, наслаждаясь ароматом диких цветов и трав. Ноги дрожали, но было очень приятно после удушающей атмосферы чердака почувствовать на лице солнечные лучи. Стараясь не потревожить забинтованную ногу, я спустился на землю и огляделся.

Прямо перед амбаром рос виноградник, который я видел из окна наверху. Он граничил с лесом, а дальше сквозь деревья простиралась голубая гладь озера. Все это окружали бледно-золотистые поля. Какой бы ни была эта ферма, она стояла на земле, где царили мир и покой. Воздух звенел от

стрекота кузнечиков, где-то блеяли козы, но ничего больше не тревожило слух. Ни машины, ни механизмы, ни люди.

Я закрыл глаза и впитывал покой.

Но вдруг в идиллию вмешался новый звук – равномерное металлическое поскрипывание. Я поднял голову и увидел идущего по дорожке среди виноградника старика. Кривоногий, жилистый, он нес оцинкованные ведра, и они, слегка покачиваясь, издавали этот скрип. Его редкие волосы совсем побелели, лицо приобрело цвет древесины старого дуба. Он был едва ли выше меня, хотя я в это время сидел. Но в нем ощущалась физическая сила, и я заметил, как на предплечьях под закатанными рукавами рубашки бугрились мышцы.

Наверное, это был Жорж, о котором упоминала Греттен, решил я и произнес:

– Доброе утро!

Старик никак не отреагировал и продолжал, не спеша, идти к амбару. Мимо меня он прошел, словно я был пустым местом. Не удостоенный ответа, я повернул голову, стараясь рассмотреть, что он делает внутри. Звякнули ведра, когда их поставили на пол, через мгновение в них из крана полилась вода. Через несколько минут журчание прекратилось. Старик появился из амбара. На меня он по-прежнему не обратил внимания. Мускулы на руках вздулись под тяжестью веса, будто их набили грецкими орехами.

– Я тоже рад познакомиться, – сказал я ему в спину.

И наблюдал, как он пересек виноградник и скрылся в лесу. Интересно, зачем ему там понадобились ведра с водой? Насколько можно было судить, на ферме не держали скотины, кроме кур и коз, чье блеяние я слышал. И ничего не выращивали на земле, только виноград. А судя по запаху от пробок и разоренному помещению винодельни, здесь никак не могли рассчитывать на успех в виноторговле.

Я вообще не понимал, чем живут эти люди.

Пока я отдыхал, мою открытую солнцу кожу стало покалывать, и она покраснела. Тяжело поднявшись и решив обойти амбар, я уперся подмышкой в костыль и поплелся к углу. За ним оказался туалет без крыши со старой выгребной ямой. Дальше двор, который я видел раньше. Здесь было еще жарче. От нагретой брусчатки поднималось горячее марево, а обнесенный лесами дом, куда я заходил за водой, казалось, был выбелен солнцем. Флюгер в виде петуха на искривленной крыше замер в ожидании хоть какого-нибудь ветра.

Курицы лениво копались в грязи, но людей поблизости не было. От мысли о воде во мне проснулась жажда. В амбаре был кран, однако после того, как мною так пренебрег старик, мне захотелось увидеть хотя бы мельком какое-нибудь другое человеческое лицо. Я захромал к дому, стараясь ставить прямо скользящий на камнях костыль. С одной стороны находилась конюшня со сломанными часами, и их единственная стрелка в застывшем замахе показывала на восемь часов. Машины с тех пор, как я приходил сюда в прошлый раз,

не сдвинулись с места – грязный грузовик и прицеп стояли у стены конюшни. А из сводчатого стойла, напоминая морду спящей собаки, высовывался радиатор дряхлого трактора. Другое стойло занимал старый кузнечный горн. Кто-то прислонил к нему железные полосы, но я понял, что передо мной, лишь рассмотрев грубо сработанные треугольные зубья.

Ногу пронзила боль. Я повернул к дому.

Он оказался еще более ветхим, чем запомнился мне с первого раза. Половину его обнесли лесами, некрашенные ставни на окнах свисали, как крылышки мертвых насекомых. Землю у основания стен испещрила облупившаяся известковая штукатурка, до того раскрошившаяся, что больше напоминала непригодный для облицовки жилища песок. Кто-то сделал слабую попытку починить осыпающуюся каменную кладку, но работа была заброшена. Причем давно – леса успели заржаветь, как и валяющееся под ними долото. Когда я пошевелил его костылем, на камнях остался его четкий отпечаток.

Дверь в кухню была открыта. Смахнув с глаз пот, я постучал в створку.

– Эй!

Мне никто не ответил. Повернув назад, я заметил еще одну дверь в стене, некрашеную и покоробившуюся. Опираясь на костыль, я снова постучал, а затем осторожно открыл ее. Дверь скрипнула на несмазанных петлях. Внутри было тем-

но, и даже с порога ощущался тянувшийся из помещения промозглый холод.

– Что тебе надо?

Я повернулся, изобразив при этом сложную танцевальную фигуру и стараясь не упасть и удержаться на костыле и здоровой ноге. Из-за конюшни материализовался отец Матильды. На его плече висел холщовый мешок, из него высовывалась окровавленная кроличья нога. В руках направленное в сторону ружье, что меня встревожило.

– Оглох? Я спросил, что тебе надо?

При дневном свете он выглядел старше лет шестидесяти, с бурыми старческими пятнами на лбу и руках. Это был невысокий, коротконогий, с длинным торсом и все еще крепкий мужчина.

Прошло несколько мгновений, прежде чем я обрел равновесие, стараясь не смотреть на его ружье.

– Ничего.

Он покосился на открытую дверь за моей спиной.

– Что ты здесь шныряешь?

– Захотелось попить воды.

– Кран в амбаре.

– Знаю. Вот решил подышать свежим воздухом.

– Ты только что сказал, что тебе захотелось пить. – На фоне обветренной кожи его светло-серые глаза казались осколками загрязнившегося льда. Взгляд остановился на костыле и стал суровым. – Откуда ты его взял?

– Нашел на чердаке.

– Кто тебе разрешил им пользоваться?

– Никто.

Я не понимал, почему защищаю Матильду, но мне казалось неправильным взваливать вину на нее. Чем агрессивнее старик выпячивал подбородок, тем больше я опасался его ружья.

– Решил, что тебе все дозволено? Что еще собираешься стащить?

– Нет, я не... – Мне вдруг расхотелось спорить. Солнце так сильно жгло, что высасывало из меня последние силы. – Послушайте, я не думал, что кто-нибудь станет возражать. Я положу костыль на место.

Я попытался обойти его и вернуться в амбар, но он загордил мне дорогу. И, направив на меня ружье, не собирался сходить с места. До сих пор я считал, что он больше играет, но, заглянув в его жестокие глаза, вдруг усомнился. Вскоре раздалось поскрипывание. Я посмотрел в конец двора и увидел неспешно приближающегося к нам Жоржа. В его руке качалось ржавое ведро.

Если он и удивился, увидев своего работодателя держащим на прицеле человека, он никак этого не показал.

– Починил, как сумел, забор, мсье Арно. Пока послужит. Но его все равно надо менять.

На меня Жорж не обратил внимания, словно я был человеком-невидимкой. Арно – я забыл фамилию на почтовом

ящике, пока ее не произнесли вслух – еще больше побагровел.

– Хорошо.

Этим он дал понять, что старик может убираться на все четыре стороны, но тот намек не понял.

– Сходите посмотреть?

– Позже, – раздраженно бросил Арно.

Жорж довольно кивнул и, по-прежнему не реагируя на мое присутствие, зашагал через двор. Мне снова пришлось опереться о костыль, а отец Матильды, глядя на меня, с такой силой двигал челюстями, будто пережевывал слова. Но прежде чем он успел их выплюнуть, из-за конюшни вырвалась собака – молодой спрингер-спаниель с развевающимися ушами и высунутым из пасти языком. Он промчался мимо Арно и стал прыгать вокруг меня. Я постарался не показать, как сильно дрожу, когда протянул руку потрепать его по голове.

– Ко мне! – крикнул Арно.

Спаниель колебался. Он привык к послушанию, но ему хотелось порадоваться проявленному к нему вниманию.

– Ко мне, чертова тварь!

Собака съежилась и на полусогнутых лапах, виляя хвостом, поползла к хозяину. Если бы она могла, то прицепила бы себе на хвост белый флаг. Арно поднял руку, чтобы ударить ее, но в этот момент его лицо исказила судорога. Он замер и, схватившись рукой за спину, выгнулся от боли и по-

звал:

– Матильда! Матильда!

Она выбежала из-за угла дома с ребенком в одной руке и с корзиной измазанных в земле овощей в другой. Когда она увидела нас, на ее лице отразилось смятение, но оно тут же разгладилось и снова стало бесстрастным.

– Что он здесь делает? – обратился к дочери Арно. – Я тебе велел сделать так, чтобы он не попадался мне на глаза.

Матильда пыталась успокоить ребенка, расплакавшегося от громкого голоса деда.

– Прости...

– Это не ее вина, – вмешался я.

Еще сильнее побагровевший от злости Арно повернулся ко мне.

– Я не с тобой говорю!

– Я только вышел глотнуть свежего воздуха, – устало продолжил я. – Сейчас вернусь обратно. Вы довольны?

Старик фыркнул, посмотрел на плачущего ребенка и протянул к нему руки.

– Дай его мне.

Его ладони по сравнению с малышом казались непомерно большими. Он принял ребенка у Матильды и, подняв на уровень глаз, стал слегка покачивать. Ружье он по-прежнему держал под мышкой.

– Ну что такое, Мишель? Порадуй дедушку, будь большим мальчиком.

Голос звучал хрипло, но ласково. Малыш икнул и улыбнулся беззубым ртом. Не отводя глаз от внука, Арно бросил мне через плечо:

– Прочь отсюда!

Остаток дня я проспал, вернее, провел в полусне – забывался в духоте чердака и парил между явью и грезами. Очнувшись, нашел рядом с матрасом поднос с едой и ведро воды. Матильда принесла, догадался я. И хотя я не просил книгу, она положила на поднос потрепанный томик в твердом переплете «Мадам Бовари». Может, в качестве извинения за стычку с ее отцом?

Вечер прошел в дымке тумана и пота. Я лежал в трусах на матрасе, одурманенный пряным, как в коробке из-под сигар, ароматом чердака. За неимением лучшего попробовал читать «Мадам Бовари», но архаичный французский оказался мне не по зубам, и я не мог сосредоточиться. Слова расплывались, книга вываливалась из рук, пока я не отбросил ее. Думал, в такую жару не усну, но стоило мне закрыть глаза, и я провалился так глубоко, словно утонул.

А потом вскрикнул и проснулся – пригрезилась кровь на темной улице. Несколько секунд не мог вспомнить, где нахожусь. На чердаке стемнело, только сквозь открытое окно проникал призрачный свет. Руки горели и стали липкими, а сон показался настолько реальным, что я не удивился бы, обнаружив на ладонях кровь. Но это был всего лишь пот.

Чтобы разглядеть циферблат часов, не пришлось включать лампу, хватило лунного света. Ровно полночь. Дрожащей рукой я нащупал сигареты. Осталось всего три. Из экономии я стал курить по половинке и теперь зажег обуглившийся кончик раньше начатой сигареты и набрал в легкие дым. Груз отчаяния легче не стал. В замкнутом пространстве чердака тянуло сыростью. Полоса света пролегла по полу и цеплялась за край моей постели. Я поднялся с матраса и прыжками перебрался по серебристой дорожке к окну. Ночь превратила пейзаж в черно-белую картинку. За тенью леса на зеркальной поверхности озера сверкала луна. Воздух отдавал металлической сыростью. Я глубоко вдохнул, воображая, будто погружаюсь под воду и в ее глубине даже волосы на голове становятся невесомыми.

Заухала сова. Только теперь я сообразил, что стою, затаив дыхание, и выдохнул. Мне не хватало воздуха. Приступ клаустрофобии стал невыносим, и я, схватив костыль и лампу, бросился к люку. Вернувшись на чердак, я оставил его открытым, и его проем зиял, как провал в никуда. При тусклом свете лампы я спустился вниз по ступеням.

В тот момент я не размышлял, что делаю. Нижние помещения амбара скрывались в темноте, но поскольку на небе ярко светила луна, лампа мне больше не требовалась. Я выключил ее и оставил у входа. Ночной воздух, пропитанный ароматом деревьев и трав, успокаивал. Я больше не чувствовал себя усталым, меня подогривало лихорадочное желание

добраться до озера.

Выйдя на тропинку, по которой днем ходил Жорж, я поковылял между рядов виноградника. Здесь монохромный мир состоял лишь из света и тени. На краю леса я остановился, чтобы перевести дыхание. Деревья плотной, темной стеной стояли на краю поля. Здесь воздух был прохладнее и приглушал звуки. Лунный свет беспрепятственно просачивался сквозь ветви. Я поежился, не понимая, чего добиваюсь. Знал, что следовало вернуться, но озеро манило сильнее.

Так далеко я еще не ходил на костыле и теперь, пробираясь сквозь лес, тяжело дышал. Каждый шаг давался с трудом, и я внимательно смотрел, куда наступаю, поэтому не заметил бледной фигуры, пока она не оказалась прямо передо мной.

– Господи!

Я отпрянул и тотчас увидел других – неподвижные силуэты в листве. Сердце глухо забилося, но фигуры не шевелились. Когда первое потрясение прошло, я понял почему. Среди леса стояли статуи – испещренные лунным светом каменные мужчины и женщины. Я с облегчением вздохнул, но все же потрогал ближайшую, желая убедиться, что ее похожие на живые руки и ноги все же не из плоти и крови. Пальцы ощутили шершавость лишайника и гладкость твердого камня.

Я сконфуженно улыбнулся, и вдруг тишину леса нарушил крик. Пронзительный, нечеловеческий, который длился и длился, пока не оборвался так же внезапно, как начался.

Я вглядывался в темноту, неловко сжимая костыль. Лисица или сова, убеждал я себя, но чувствовал, как дыбом встают волосы. Покосился на статуи – они не шевелились, но теперь их слепое внимание пугало еще сильнее. Снова раздался крик, и мои нервы не выдержали.

Все помыслы об озере исчезли, когда я ковылял обратно по темной дорожке. Оглушало собственное хриплое дыхание, и кровь шумела в ушах, пока я старался справиться с единственным костылем. Впереди, невероятно далеко, сквозь деревья пробивался лунный свет. Боже, как же я сюда добрел? Наконец лес расступился, и чащу сменили стройные ряды виноградника. Я ловил воздух ртом и продолжал неуклюже прыгать, пока снова не очутился в спасительном убежище амбара. Задыхаясь, задержался на мгновение, чтобы схватить лампу, и обернулся на лес. На тропинке никого не было, но я не успокоился, пока не забрался на чердак и не закрыл за собой крышку люка.

Грудь тяжело вздымалась, ноги стали ватными. Я так взмок от пота, будто действительно искупался в озере. Как мне пришло в голову идти к воде? Теперь сама мысль, чтобы поплавать, показалась смешной. Разве с забинтованной ногой я бы сумел удержаться на поверхности? Какой-то бред! Мне хотелось одного – спать. Но я еще вернулся к люку и надвинул на крышку комод.

Лишь после этого, ощутив себя в безопасности, рухнул на матрас и уснул мертвецким сном.

Лондон

Когда я вернулся от стойки, Коллам все еще разглагольствовал:

– Да ладно тебе. Непохоже, чтобы мы смотрели с тобой один и тот же фильм. Сам-то ты как думаешь? Я смотрел «Последний наряд», а ты?

– Я утверждаю только одно: фильм закрепляет стереотипы характеров. Герои – закаленный служака и молокосос. Такой прием...

– Это архетипы, а не стереотипы! Неужели ты не уловил суть картины?

– Уловил. Только думаю... не знаю, как это выразить...

– Вот именно.

– Коллам, почему бы тебе не заткнуться и не позволить Джезу закончить мысль? – вмешалась Жасмин.

– Позволил бы, если бы он не городил такую чушь!

Я поставил напитки на стол: пиво для Коллама, Жасмин и меня, апельсиновый сок для Хлои и водку для Джеза. Когда я садился, Хлоя улыбнулась.

Жасмин повернулась ко мне:

– Шон, убеди Коллама, что человек имеет право критиковать фильм с Джеком Николсоном и не бояться, что его сожгут на костре за ересь.

– Шон согласен со мной! – отрезал Коллам.

Тощий, с бритой головой, с пирсингом, подчеркивавшим налет первозданной дикости, который ему так нравилось себе придавать.

– Николсон – лучший актер своего поколения, и никаких исключений.

– Николсон – актер, получавший случайные роли, но которому очень повезло. – Хлоя метнула на меня быстрый взгляд. Она нарочно заводила Коллама, а тот, как всегда, попался на удочку.

– Полная фигня. Я напомним тебе одно название, Хлоя: «Пролетая над гнездом кукушки»! – Он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, намекая, что говорить больше не о чем и спор выигран.

– Роль проще простого, – закатила глаза Жасмин. – С такой справился бы любой приличный актер. – В тот вечер ее волосы были собраны на затылке, она пришла в свободной темной одежде, потому что, как однажды по секрету призналась Хлое, стеснялась своей полноты.

– Скажешь тоже! А как насчет «Китайского квартала» и «Отступников»?

– А что? – Хлоя принялась загибать пальцы. – «Иствикские ведьмы», «Марс атакует!», «Бэтмен» – это все лучший актер своего поколения? Ты это утверждаешь?

– «Бэтмен» очень даже ничего, – насупился Джек. – Однако до «Черного рыцаря» недотягивает.

На него не обратили внимания. Джек пил весь вечер, и

его забрало больше, чем обычно. Как и Коллам, он преподавал в лингвистической школе в Фулеме, где и я работал последние несколько месяцев. Жасмин была его девушкой и лучшей подругой Хлои по гуманитарному колледжу. Она тоже учительствовала в этой школе, пока не нашла более прибыльную работу в университете.

Мне нравились пятничные вечера. Занятия заканчивались рано, и мы компанией шли сначала выпить, а затем в один из независимых кинотеатров, которые находились в нескольких станциях метро от нашей работы. Коллам обожал кино, но постоянно изменял своим кумирам – актерам, сценаристам, режиссерам. Еще недавно взахлеб расхваливал Теренса Малика, но после того, как мы посмотрели «Познание плоти», его идеалом на несколько недель стал Джек Николсон.

Я сделал глоток пива и погладил под столом бедро Хлои. Она сжала мою руку, улыбнулась и откинулась на спинку стула.

– Мне пора на место.

Наклонилась, поцеловала меня – на мгновение ее коротко подстриженные волосы коснулись моей щеки, – распрямилась и направилась к стойке. «Домино» находилось рядом с Кингз-роуд, неподалеку от наших любимых кинотеатров, но приходили мы туда, потому что там работала Хлоя. Современный темный зал, подсвеченные голубым бутылки на полках, гранитная стойка – мы бы ни за что не осилили здеш-

них цен, если бы Хлоя не поставляла нам дешевые напитки. Она сказала, что менеджер в курсе, и я решил, что все в порядке. Но иногда я все же задавался вопросом: знал ли тот менеджер, как далеко простирается его щедрость?

Я смотрел, как она зашла за стойку, рассмеялась чему-то, что ей сказала Таня, другая девушка из бара, и продолжила обслуживать клиентов.

– Хлоя в полном порядке? – спросила Жасмин.

Я повернулся и увидел, что она тоже смотрит на нее.

– Конечно, а почему бы ей не быть в порядке?

– Так, – улыбнулась Жасмин и, ничего не объясняя, пожала плечами.

Странные слова. Но меня тут же отвлек Коллам, принявшийся смешивать с грязью Куросаву.

– Ты же это не серьезно? – произнес я, ставя на стол кружку пива.

И через пять минут забыл о словах Жасмин.

Но вечером вспомнил. Мне пришлось ждать, пока уйдет последний посетитель и Хлоя вычистит бар и поставит стаканы на место. И только тогда можно было отправляться восвояси. На улице Таня ждала своего дружка, обещавшего подбросить ее домой. Мы пожелали ей спокойной ночи и пошли к себе. Метро уже не работало, такси мы редко позволяли, но до Элз-Корт путь был недолгим. Похолодало. Светила полная луна. Первый иней на мостовой блестел, как алмаз-

ная крошка.

Я распахнул пальто и укрыл нас обоих. Хлоя обняла меня, превратившись в источник тепла на моей груди. Мы проходили мимо опущенных ставней на витринах закрытых магазинов и зарешеченных витрин вчерашней «Лондон ивнинг стандарт», чьи новости успели устареть. Другой бы поостерегся ходить так поздно в этой части города, но я с детства привык. А Хлоя работала в баре, и казалось, что нам не в новинку любая опасность.

Пересекая улицу, мы тихо, чтобы никого не разбудить, смеялись. Вдоль тротуара тянулась вереница машин, и их темные металлические силуэты излучали холод. Краем глаза я заметил, как из тени впереди нас выступила фигура и направилась к нам.

Я продолжал идти и, словно защищая, обнимал Хлою. Высокий, крепкий мужчина был в толстом пальто, берет надвинут на самые глаза.

– Сколько времени? – спросил он.

Его руки были в карманах, однако я заметил, как на запястье блеснули часы. У меня часто забилось сердце. Надо было все-таки взять такси.

– Десять минут четвертого. – Я лишь мельком взглянул на циферблат.

Часы были новыми, подарок на день рождения от Хлои. Когда незнакомец начал приближаться, я как бы невзначай загородил ее собой. Его рука поползла из кармана, и я уви-

дел, как лунный свет отразился от металла.

– Ленни?

Мужчина замер. По тому, как он качался, было ясно, что он либо пьян, либо обкурился. Хлоя шагнула вперед.

– Ленни, это я, Хлоя!

Он мгновение смотрел на нее, затем кивнул и показал подбородком в мою сторону.

– Кто такой?

– Друг.

Хлоя старалась этого не показать, но я услышал, как напрягся ее голос. Кем бы ни был этот человек, она его боялась.

– Друг, – повторил он.

Рука так и не опустилась в карман – оставалась наполовину на виду, словно он никак не мог принять решения. Я набрал в легкие воздух, собираясь спросить, кто он такой и что ему надо. Но Хлоя поймала меня за локоть и сжала, давая понять, чтобы я помолчал.

– Пока, Ленни, – произнесла она и потащила меня прочь.

Ленни остался на месте, но я чувствовал, что он смотрит нам в спину. Ноги меня не слушались. На противоположной стороне улицы я оглянулся: Ленни исчез.

– Кто он такой? – поинтересовался я.

Хлоя дрожала, ее личико съежилось и побледнело – то ли от холода, то ли от чего-то еще.

– Никто. Я замерзла. Пошли домой.

Наша квартира располагалась на последнем этаже призе-

мистого бетонного здания. Мы поднялись по лестнице, которая вечно пахла мочой, и открыли дверь. И как только вошли, в горле привычно запершило от скипидара и красок. Место было, скажем прямо, не идеальным в качестве мастерской художника, что компенсировалось приемлемой арендной платой. И застекленной крышей, которая давала хороший свет, хотя и пропускала холод. Работы Хлои стояли у стен гостиной – прямоугольники с белыми полями и неразличимыми в темноте рисунками. Поначалу я удивлялся, каким предметным являлся ее стиль, ожидая чего-то более дерзкого и абстрактного. Работы были импрессионистичны, Хлоя обыгрывала контраст светотени, что напоминало жанр «черного кино». В глубине души у меня возникали сомнения по поводу незаконченного моего портрета, стоявшего на мольберте у окна. Технически он был одним из самых совершенных ее полотен, но я не узнавал выражения своего лица. Может, плохо знал себя?

Ни один из нас не протянул руку, чтобы включить свет. Я остановился на пороге спальни и смотрел, как Хлоя зажигает электрокамин. Послышалось гудение, нагревательные элементы стали потрескивать и осветились желтоватым светом.

– Так ты мне объяснишь, что произошло?

Хлоя, не поворачиваясь, стала раздеваться.

– Ничего. Просто человек, которого я когда-то знала.

Заныло в груди, болью отдалось в горле. Я не сразу сооб-

разил, что это ревность.

– Это твой кавалер?

– Ленни? – удивилась Хлоя. – Нет.

– Кто же тогда?

Хлоя подошла ко мне в одном белье.

– Шон...

Я разнял ее объятия. Сам не знал, почему сержусь: то ли оттого, что напугался на улице, то ли вдруг понял, что совершенно не знаю Хлою.

– Он приходил в бар, где я работала. Этого довольно? Там и не на таких насмотришься.

Она подняла на меня широко раскрытые, невинные глаза. В знакомой обстановке квартиры недавняя встреча уже начала забываться. И у меня не было причин ей не верить.

Я разделся и лег в постель. Мы лежали в темноте, касаясь друг друга. Несмотря на включенный электрокамин, воздух в спальне был свежим. Хлоя пошевелилась, прошептав мое имя. Мы обнялись, но когда порыв страсти затих, я лежал и сквозь окно в потолке смотрел на звезды.

– Жасмин сегодня заявила нечто странное, – наконец произнес я. – Мол, ты в полном порядке. Что бы это значило?

– Спроси у Жасмин.

– Следовательно, тебе нечего мне сказать?

В темноте я не видел ее лица, но по блеску глаз понял, что они открыты.

– Конечно, нечего, – промолвила Хлоя. – А чего бы ты

хотел?

Глава 5

Когда утром пришла Матильда, я уже собрал вещи и готовился к уходу. Понял, что это она, до того, как увидел ее – научился отличать ее твердую поступь от шлепанья «вьетнамок» Греттен. Ее взгляд остановился на стоявшем на матрасе застегнутом рюкзаке, но если она и сделала какие-то выводы, то держала их при себе. Матильда принесла поднос, на котором стояла тарелка с едой и лежал чистый бинт. Сегодня утром мой рацион расширили: добавили чашку горячего кофе.

– Вот ваш завтрак. – Матильда поставила поднос. – Можно поменять повязку?

Я сел на матрас и закатал на ноге джинсы. Во время внезапно прерванного ночного похода бинт истрепался и испачкался. Если бы не это, я бы мог подумать, будто неудачная прогулка мне приснилась. При свете дня воспоминание о статуях казалось нереальным, и я убедил себя, что слышал всего лишь крик лисы. Наверное, зверь попал в один из капканов Арно. Я ему мог только посочувствовать.

– Вы сможете позднее отвезти меня на дорогу? – спросил я, когда Матильда принялась разматывать бинт. Она не заинтересовалась, почему он такой грязный.

– Уезжаете?

– Сразу после завтрака. Хочу выйти как можно раньше.

Решение было принято после того, как я проснулся. Если вчера я сумел добрести до леса и вернуться обратно, следовательно, готов к походу. Мог бы доковылять до дороги и сам, но зачем тратить силы до того, как путешествие началось? Я до сих пор не решил, что стану делать и куда отправлюсь, но последняя стычка с Арно убедила меня, что лучше отсюда убраться и попытаться что-то предпринять. Что угодно, только не оставаться на ферме.

Матильда продолжала разматывать повязку.

– Вы уверены?

– Если подбросите меня до шоссе, я проголосую и остановлю какую-нибудь машину.

– Как хотите.

Равнодушие Матильды огорчило меня. Я смотрел, как она снимает бинт и убирает со ступни тампоны. Когда не осталось ни одного, я с облегчением отметил, что нога несколько не хуже. Наоборот, на вид она даже лучше: уменьшилась отечность и сами раны были не такими воспаленными.

– Вроде все неплохо? – Я надеялся, она укрепит мой оптимизм.

Матильда не ответила, осторожно поворачивала ступню то в одну, то в другую сторону, затем дотронулась до края одной из ран.

– Не больно?

– Нет. – Я следил за выражением ее лица, пока она изучала ступню. – Все в порядке.

Матильда промолчала. И когда щупала мне лоб, ее лицо оставалось бесстрастным.

– Жара не ощущаете? Не лихорадит?

– Нет. А что?

– Такое впечатление, что у вас температура. – Она снова наклонилась над моей ступней.

Я потрогал лоб, но не понял, горячий он или нет.

– Больше воспалилось?

Перед тем как ответить, она чуть помедлила.

– Я так не думаю.

Неожиданно мне показалось, будто желтоватый налет припухлостей вокруг ран приобрел нехороший оттенок. Я с беспокойством наблюдал, как Матильда очищает ступню и накладывает новый бинт.

– Что-то не так?

– Не сомневаюсь, что все идет, как надо. – Она не поднимала головы, и я не видел ее лица. – За процессом хорошо бы последить, но ведь вы спешите.

Я посмотрел на свою ногу. И вдруг ощутил боль в мышцах. Вероятно, она являлась следствием ночного напряжения. А если...

– Может, мне задержаться еще на денек?

– Вы вольны оставаться здесь сколько угодно.

Я ничего не сумел прочитать на лице Матильды – ни когда она собирала вещи, ни когда направлялась к люку. Оставшись один, я попытался проанализировать свои ощущения.

Нет, лихорадки я не чувствовал, но самое последнее, что мне было нужно, – свалиться больным на какой-нибудь богом забытой французской дороге. Да и идти мне особенно было некуда. Днем меньше, днем больше – никакой разницы.

Мелькнула мысль, что Матильда добивалась именно такого результата, но я выкинул ее из головы. Мое присутствие на ферме доставляло ей одни неприятности. У нее было не больше причин желать, чтобы я остался, чем у меня.

По крайней мере так я себе говорил. Но, проглотив антибиотик и приступив к завтраку, понял, что испытал облегчение.

К полудню на чердаке сделалось невыносимо жарко, и от запаха плесени от сваленной здесь старой мебели появился зуд на коже. Я слушал музыку, задремал, а когда проснулся, обнаружил рядом с открытым люком поднос с обедом. Протирая глаза, решил поесть на улице. Арно предупреждал, чтобы я не попадался ему на глаза, но даже он не вправе требовать, чтобы я целый день торчал в амбаре.

Спускаться с подносом по лестнице оказалось непростым занятием, но я справился – ставил поднос на ступеньку, а сам перемещался на одну вниз. Перед едой зашел в туалет, а затем умылся под краном, из которого Жорж набирал воду в ведро. Этот маленький акт самоутверждения улучшил мое настроение, и я, устроившись у стены амбара, почти развесялился. Даже в тени было удушающее жарко. Жуя хлеб с

сыром, я поглядывал поверх виноградника в сторону озера. Оттуда, где я сидел, вода лишь слегка проблескивала сквозь деревья. Глупая ночная попытка добраться до озера, похоже, мне не повредила. Температура не поднялась, воспаление не усилилось, и ступню не дергало. Неизвестно, где я окажусь в это время завтра, но хорошо бы прежде, чем покинуть ферму, посмотреть на озеро.

Покончив с едой, я встал и, опираясь на костыль, двинулся по дорожке. При свете дня стало ясно, что половина винограда завяла. Листья были в крапинах, кончики завернулись. Редкие гроздья осыпались, и сморщенные ягоды лежали, как шарики, из которых выпустили воздух. Не удивительно, что вино так плохо пахло.

Солнце жгло немилосердно. Я думал, что днем, когда видишь, куда идешь, двигаться будет легче, но на жаре путь мне показался длиннее, чем ночью. Дорожка была в рытвинах, неровную поверхность, словно цементные желоба, избороздили следы колес. Костыль соскакивал с бугров и скользил в сторону. И я, добравшись до края поля, весь взмок от пота. Тень принесла облегчение, а деревья днем не казались такими пугающими. Как и вдоль дороги, здесь росли в основном каштаны, и я с удовольствием шагнул под их зеленый полог.

Двигаясь между ними, я поймал себя на мысли, что жду повторения вчерашнего крика. Но не слышал ничего более грозного, чем стрекот цикад. Статуи тоже больше не выглядели зловещими. Их было тут около дюжины, и они стояли у

дорожки в самой густой чаще. Ветхие, старые, многие изуродованные. Пан с разбитыми копытами соседствовал с нимфой со стертыми чертами лица. А неподалеку к небу, словно в глубоком потрясении, поднял голову безносый монах. Чуть поодаль от остальных стояла женщина под вуалью – ее лицо скрывали искусно высеченные складки ткани. На прижатой к сердцу руке темнело маслянистое, похожее на кровь пятно. Я не представлял, кто спрятал в лесу эти изваяния, но, должен признать, впечатление они производили.

Идти до озера осталось немного. От поверхности ослепительно ярко отражался солнечный свет. По берегам озеро поросло камышом, вода была такой неподвижной, что, казалось, в ней можно выкопать яму. По ее глади скользили утки, гуси и другие водоплавающие, оставляя за собой клинообразные борозды. Я вдохнул ароматный воздух и почувствовал, как плечи освобождаются от напряжения. Утром ко мне вернулось здравомыслие, и я не собирался купаться, но мысль, однако, была соблазнительной.

На нависающем над озером отвесном берегу стоял, раскинув над водой ветви, одинокий каштан. Я поднялся туда и посмотрел вниз. Место было достаточно глубоким, чтобы нырять с высоты. Но в воде в нескольких ярдах, подобно гигантской акуле, притаилась неясная тень. Подводная скала ждала, чтобы кто-нибудь неосторожный прыгнул вниз. «Этого следовало ожидать», – подумал я. Тут даже в озере скрываются ловушки.

Я опустил вниз и, привалившись спиной к стволу, смотрел на воду. Дорога сюда была утомительной, но я радовался, что не пожалел сил. Другой возможности не представится, а ноге как будто не повредило. Наложённый Матильдой бинт успел запацкаться, однако кровавых пятен не проступило, и боль тревожила не сильно – скорее походила на жжение. Из-за своего беспокойства о ране я потерял день, но ничто не мешает мне уехать завтра. А что потом?

Я не знал.

Если и была положительная сторона в моем приключении с капканом, она заключалась в том, что мой мозг отвлекся от всего остального и я думал только о ноге. Здесь мне было не до тревог о прошлом и будущем. Но это должно скоро закончиться. Я возвращался к тому, с чего начал: скрываться в чужой стране без плана, что делать дальше.

Руки дрожали, когда я полез за сигаретами, но закурить не успел – из леса выскочил спрингер-спаниель. Утки на краю озера бросились врассыпную, когда он погнался за ними. Я напрягся, ожидая, что вслед за собакой появится Арно, но вместо него увидел Греттен с ребенком. Спаниель заметил меня первым и подбежал под дерево, махая хвостом.

– Хорошая псина!

Обрадовавшись развлечению, я гладил собаку, стараясь держать ее подальше от больной ноги, на которую она норовила наступить. Греттен увидела меня и остановилась. Она была в светло-голубом платье без рукавов, подчеркивающим

цвет ее волос. Поношенное, выцветшее платьишко, на голых ногах – только шлепанцы. Но и в этом наряде в любом городе на нее бы оборачивались. Греттен несла ребенка на бедре, и от этого Мишель казался ее недоразвитым сиамским близнецом. На другой руке висела самодельная сумка, а проще – связанный углами кусок выгоревшей красной материи.

– Извините, если напугал, – произнес я.

Греттен обернулась на дорожку, словно прикидывая, не вернуться ли ей назад. Затем на ее щеках появились ямочки – она улыбнулась.

– Не напугали. – Лицо у нее покраснелось, оттого что она тащила на себе ребенка. Теперь, пристроив его поудобнее, Греттен потрясла красной сумкой и объяснила: – Мы пришли покормить уток.

– Я думал, этим занимаются только в городах.

– Мишелю нравится, и, если утки знают, что здесь их кормят, они никуда не улетают, и иногда мы можем взять одну из них.

«Взять» было, разумеется, синонимом «убить». Так Греттен щадила мои чувства. Она развязала узелок, вывалила хлеб, и птицы сразу заволновались, бешено захлопав крыльями по воде. К пронзительным крикам уток присоединился собачий лай – спаниель бегал и прыгал на берегу.

– Лулу, ко мне, девочка!

Она бросила собаке камень, и та помчалась за ним. А Греттен поднялась ко мне и села рядом, усадив ребенка ря-

дом с собой. Мишель нашел веточку и принялся с ней играть.

Я посмотрел на дорожку, ожидая, что на ней появится Арно с ружьем. Но там было пусто, и я вдруг почувствовал беспокойство: то ли от мысли о старом фермере, то ли потому, что Греттен наклонилась так близко от меня. Она не спешила возвращаться домой. Кругом царила тишина, только грызла камень собака и Мишель пускал изо рта пузыри. Кроме уток и гусей, мы были единственными живыми существами на озере.

Театрально вздохнув, Греттен оттянула ткань платья на груди и принялась обмахиваться.

– Жарко! – Она косилась на меня, желая убедиться, что я на нее смотрю. – Я так надеялась, что на озере прохладнее.

Я не отрывал взгляда от воды.

– Вы здесь купаетесь?

Греттен оставила импровизированный веер.

– Нет. Папа говорит, что тут небезопасно. И вообще я не умею плавать. – Она принялась срывать маленькие желтые цветы и сплетать их в косичку.

Молчание ее не смущало, чего я не мог сказать о себе. Внезапно тишину нарушил тот же крик, что я слышал прошлой ночью. Он донесся из леса за нашими спинами – не такой страшный при свете дня, но полный мўки.

– Что это? – спросил я, всматриваясь сквозь деревья.

Ни Греттен, ни Мишель не испугались. Собака лишь насторожила уши и продолжила заниматься с камнем.

– Поросюки.

– Кто?

– Поросюки, – повторила Греттен, словно растолковывая тупице очевидную вещь. – Дети диких кабанов и домашних свиней. Отец их разводит. Но от них очень плохо пахнет, и он держит их в лесу. Вечно просят еды.

Я обрадовался, что все так просто объяснилось.

– Значит, там свиноферма?

– Нет. – Греттен осуждающе покачала головой. – Поросюки – папино хобби. И там не ферма, а шато. Мы владеем озером и лесом вокруг – почти сто гектаров каштанов, с которых каждую осень собираем урожай. – Ее голос зазвенел от гордости, и я догадался, что урожай немаленький.

– Я видел, вы также делаете собственное вино?

– Делали. Папа хотел назвать его «Шато Арно». Он купил хорошую лозу, распахал свекольное поле, но виноград для нашей почвы оказался недостаточно стойким. Чем-то заболел, и нам удалось сделать вино только с одного урожая. Получились сотни бутылок, и папа говорит, что сможет его продать, когда оно созреет.

Я вспомнил отдающие кислятиной бутылки в амбаре – их-то уж точно в ближайшее время никому не предложишь. Греттен сорвала еще цветок, вплела в косичку и посмотрела на меня поверх нее.

– Вы о себе почти ничего не рассказываете.

– Нечего особенно рассказывать.

– Не верю. Просто хотите казаться таинственным. – Она улыbnулась, и на ее щеках появились ямочки. – Ну же, откройтесь. Откуда вы?

– Из Англии.

Греттен шутливо стукнула меня по руке. И получилось довольно больно.

– Откуда именно?

– Жил в Лондоне.

– Чем занимались? Должна же у вас быть какая-то работа.

– Ничем постоянным. – Я пожал плечами. – Бары, стройки. Немного преподавал английский язык.

Гром не грянул, земля не разверзлась. Греттен сорвала еще цветок и собиралась о чем-то спросить, но в это время собака принесла камень и бросила мне на колени.

– Премного благодарен.

Я осторожно взял обслюнявленный подарок и откинул в сторону. Спаниель погнался за ним, но в растерянности остановился, когда камень плюхнулся в воду. И в недоумении смотрел то на круги на поверхности, то на меня.

– Очень глупая! – рассмеялась Греттен.

Я нашел камень и позвал Лулу, которая все еще переживала утрату первой, видимо, самой любимой игрушки. Она все-таки погналась за тем, что я зашвырнул в лес, и, вновь обретя счастье, запрыгала среди деревьев.

– Греттен, если не ошибаюсь, немецкое имя? – Я обрадовался возможности переменить тему.

Она добавила в цепочку еще один цветок.

– Предки отца – выходцы из Эльзаса. Меня назвали в честь бабушки. А Мишель – второе из папиных имен. Очень важно поддерживать семейные традиции.

– А Матильду в честь кого назвали?

Лицо Греттен посуровело.

– Откуда мне знать? – Она так сильно дернула цветок, что вырвала с корнем. Выбросила, сорвала другой. Я постарался разрядить атмосферу.

– Сколько Мишелю?

– Осенью исполнится год.

– Я не видел его отца. Он тоже здесь живет?

Я всего лишь пытался поддерживать разговор, но Греттен опять нахмурилась.

– Мы о нем не говорим.

– Извините, я не собирался совать нос в чужие дела.

Она пожала плечами.

– Мы не делаем из этого секрета. Он исчез до того, как родился Мишель. Всех нас оскорбил. Мы приняли его в семью, а он нас предал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.